

The background is a textured painting of a landscape. On the left, a dark, leafless tree trunk and its branches extend upwards. In the center, a river or stream flows through a valley. The surrounding hills and mountains are rendered with various shades of green, yellow, and grey, suggesting a rugged and somewhat desolate environment. In the upper right, a dark bird, possibly an eagle or hawk, is shown in flight with its wings spread wide. The overall style is expressive and somewhat somber.

Сергей Прокопьев

**ОТ КАМБОДЖИ
ДО КАМЧАТКИ
ОСТАВЛЯЕМ ОТПЕЧАТКИ**

16+

Сергей Николаевич Прокопьев

От Камбоджи до Камчатки

оставляем отпечатки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44921976

SelfPub; 2019

Аннотация

Шура Ройтер в какую бы точку карты Советского Союза не ткнут пальцем, обязательно выяснится – он там весело побывал с рюкзаком и палаткой, оставил отпечатки своих башмаков. Тянь-Шань – да, Алтай – а как же, Саяны – не раз и не два, Памир – ещё бы, Якутия – едва со снежным человеком не столкнулся нос к носу, Горная Шория – само собой, плато Путораны – вот здесь прокол, не срослось, Шумак – ох, поголодали однажды на маршруте по своей дурости, Камчатка – это блеск! В сумме столько диковинных мест повидал, в таких передрыгах побывал! И всё благодаря неуёмному характеру туриста-путешественника!

Содержание

Два слова о герое	5
Кино с Камчатки	10
Пещера снежного человека	25
Жара	25
Пять рукавов безводной речки	28
Перевал Атласова	31
Кровожадно-снежный человек	33
Посёлок Сасыр	38
Тункинские альпы	44
«Декамерон» на Эвересте	71
Килограммовая медаль	88

Негрустная повесть

Два слова о герое

Шурой его, само собой, в присутствии подчинённых не назовёшь. Да и без оных обращаться к Александру Ивановичу, руководителю солидного предприятия, в его солидном кабинете так, как привык в далёкой юности, язык не поворачивается. Уважаемый человек, профессионал в технике и в менеджменте. Но начнёшь с ним говорить о походах, и снова перед тобой тот самый Шура, с которым познакомился много-много-много лет (почти сорок) назад.

«Чем хороша походная молодость, – говорит Шура, – она дала такой багаж впечатлений, что они и сегодня ярче яркого!»

Далее Шура рассуждает, что человек может целый век прожить, потом оглянуться на эти свои сто лет, а в памяти всего-навсего один день: утром проснулся, зубы почистил, пошёл на работу, вечером вернулся домой, посмотрел телевизор, зубы почистил, если таковые остались, и в кровать. В промежутках между утренней и вечерней чисткой что-то проскальзывало, но в основном картина тоскливая. Вроде сто лет по паспорту, на самом деле – один день. «Конечно, мне уже шестьдесят, – продолжает философскую тему Шура, – но и в сорок казалось, что я живу так давно и так долго. Ткни пальцем в карту Советского Союза, и обязательно где-то рядом с пальцем я побывал, отметился, оставил отпечатки

башмаков. Тянь-Шань – да, Алтай – а как же, Саяны – и не раз, Памир – ещё бы, Якутия – чуть со снежным человеком не столкнулись нос к носу, Горная Шория – само собой, плато Путораны – вот здесь прокол, так и не получилось, Шумак – ох, поголодали однажды на маршруте по своей дурасти, Камчатка – ну это блеск!.. В сумме столько диковинных мест повидал, людей узнал, в таких передрыгах побывал! И всё благодаря походам!»

Последние лет пятнадцать Шура отдыхает цивилизно, но любит экзотику – Вьетнам, Чили, Бразилия, Аргентина. Не сказать, что обходит стороной Европу, но экзотика предпочтительнее. Расширяет свою географию, «отпечатки его башмаков» только что в Антарктиде не остались.

Недавно в обеденный перерыв заглянул к нему на работу, докладывает: «Был с женой в Камбоджи». Развернул ко мне монитор компьютера, посмотрели фото... Шура есть Шура, умеет притягивать весёлое. Перед отъездом домой Ольга, жена, захотела в магазин. Дескать, магазины – это тоже одна из достопримечательностей любой страны, а мы каких только красот и диковин не повидали, но за две недели ни разу не побывали в приличной торговой точке. Шура не любитель толкаться у полок с товаром, да если любимая жена просит... Заказал гиду поход в магазин. Заехали в современный о двух этажах торговый комплекс. Жена, будто по компасу шла, мгновенно вырулила к прилавку с ювелирными изделиями. И показывает на ожерелье: сколько, мол, про-

сите? Камбоджийка-продавец называет цену: тысяча двести долларов. Переводчица перевела, на что Шура сделал лицо крайней степени удивления: «Как так, не может быть, вот это ожерелье тысячу двести? Да у нас в Омске оно максимум на двести долларов тянет в базарный день!» Переводчица перевела омские цены на камбоджийский язык. Надо сказать, Шура любит торговаться. На южных базарах (а куда только не забрасывала туристская молодость) друзья всегда его выталкивали вперёд покупать фрукты: дыни, персики, виноград и остальную мелочёвку. Шура с ходу, без сценария и репетиций, разворачивал такой спектакль, что киргизы, туркмены, узбеки и казахи едва задаром не отдавали сладкий товар. При этом все действующие лица оставались довольны.

Для камбоджийки «Омск» звучал пустым звуком, но цену сбавила сразу на сто долларов – тысяча сто получилось. Шура закрутил отрицательно головой и добавил к своим двумстам долларам всего десять. «За двести десять ещё бы взял, но не более того». Переводчица тут же озвучила цифру, тем не менее Шура выхватил из рук продавщицы калькулятор, пальцы порхнули над клавиатурой, на экране загорелось: «210». Теперь уже камбоджийка потянула к себе счётный прибор, её пальчики побегали по кнопкам и набегали на единицу с тремя нулями: «1000». Шура в недоумении развёл руками: да вы что, в своём уме, такая сумасшедшая цена за такую безделицу?! Мол, если бы не любимая жена, вообще

разговаривать не стал. После этого монолога экран вспыхнул Шуриным предложением: «220». К продавщице на помощь из подсобки выдвинулся камбоджиец, экран засветился вариантом торгующей стороны: «800». Шуру данная щедрость в понижении цены не убедила, он снова добавил десятку. Жена потянула Шуру за руку – хватит, пошли. Продавщица сказала что-то своё, обращаясь к переводчице, тогда как Шура, не дожидаясь шага продающей стороны, выбил на калькуляторе «230». Жестом показал, дескать, это моё последнее слово. И всё! Не хотите, как хотите. При этом достал бумажник. Как бы говоря, вот они деньги, часть из которых в размере двухсот тридцати долларов может прямо сейчас перейти к вам. На этот демарш продавец решительно зажгла «600». Гулять так гулять. Первоначальная цена была понижена вдвое. Шура пожал плечами с видом: я вам предлагаю реальную рыночную цену, а вы как с луны свалились. И закрыл бумажник. После чего демонстративно начал убирать его в кожаную сумочку, которая висела на плече. Камбоджийка поспешно повернула к нему экран калькулятора с цифрой «400». Шура исправил её на «240». Следующим ходом камбоджийская сторона высветила «300». Шура добавил десятку к своим «240». И вот здесь стороны достигли торгового консенсуса. Камбоджийка расплылась в радостной улыбке. Сделка свершилась.

На выходе из торгового комплекса переводчица пояснила: бутик с драгоценностями только лишь сегодня открыл две-

ри, Шура оказался первым посетителем. Отпустить такого без покупки – катастрофически плохая примета. «Будем надеяться, – сказал Шура, – наш визит придаст им хороший импульс для прилавочного бизнеса!»

Забавных случаев из Шуриных поездок по странам и континентам можно на добрую книжку набрать, да наше повествование не распространяется на туризм с гидами и отелями. Зачем тратить драгоценное время, когда есть интереснейший материал, связанный с родной азиатской экзотикой, которую лицезрел Шура с рюкзаком за плечами без всяких долларов. К примеру – Камчатка! Огнедышащий край земли! С вулканами, гейзерами, реками, полными рыбы, и океаном, тоже кишущим живностью. С Камчатки, пожалуй, и начнём повествование от первого лица. Пусть отчитается Шура, чем продлила его яркую жизнь эта ни с чем не сравнимая полуостровная окраина России. А набрав темп повествования, расскажет нам об остальной своей походной географии.

Кино с Камчатки

С погодой подфартило. Ни одного дождя. Маршрут в темпе без всяких задержек и заморочек прошли, можно рассказывать и рассказывать, будет время, непременно доложу, но пока не о походе речь. Получилось, что после маршрута осталось до авиарейса два свободных дня, что отводили для подстраховки на непредвиденные случаи. Улететь раньше времени с Камчатки в летний месяц в советские времена – это из области фантастики. И возникла бесподобная идея. Камчатка – самый что ни на есть рыбный край, вот бы выйти с рыбаками в океан да поглядеть, как они сети в пучину закидывают, что в них достают из глубин. В клубе туристов Петропавловска-Камчатского поинтересовались, как бы такое мероприятие повернуть? Местные знатоки пожали плечами и посоветовали обратиться в рыболовецкую артель. И тут же отравили нашу блестящую идею ядом пессимизма, мол, губу-то сильно не раскатывайте – погранзона. Одно дело упротить рыбаков, другое – получить пропуск у погранцов, а это ребята серьёзные, не стройбат, это комитет глубинного бурения – КГБ. Нас погранично-буровой факт не остановил. Где наша только не пропадала? Наша пропадала везде, но не пропала...

Витя Терёшкин со свойственной ему рассудительностью изрёк: «Мужики, если мы представимся рядовым турьём,

может не прокатить! Что такое турист в понимании местного морского волка? Бездельник. Самый что ни на есть. По разумению труженика-рыбака, если человек притомился от работы, он берёт пачку денег и едет на всю её толщину в Крым или в Сочи. А кто не может заработать настоящих бабок для солидного отдыха, его нищий удел шляться с заплечным мешком, то бишь рюкзаком, по горам, лазить в вулканы, спускаться в пещеры и, развлекая себя, орать песни под гитару у костра! То есть совершенно никчемный, несерьёзный народ. Поэтому про туризм ни слова. Мы прорвёмся в море другим путём. Вы спрашиваете: каким? Резонный вопрос. Отвечаю. Вид Шуры Ройтера с кинокамерой натолкнул меня на восхитительную мысль: прикинуться киногруппой документалистов из Москвы! Шурик стопроцентно смахивает на оператора, я с блокнотом гениально сыграю пишущего корреспондента, и мы прогоним картину по великому Гоголю с его Хлестаковым. Врать, само собой, нехорошо, да мы всего ничего и сугубо в интересах расширения кругозора. А когда, задаю вам резонный вопрос, знания давались легко?»

Витя произнёс пламенную речь. Мы высказали ряд сомнений. Лжекиношников могут раскрыть в пять секунд. Попросить показать киноудостоверения или заглянуть внимательно в паспорта... Что это за московские документалисты, у которых сплошняком омская прописка? Но, как скажет позже Витя: «Дуракам и смелым везёт». Мы, само собой, причислили себя к «смелым». И всё получилось классно!

Держались мы с Витей в роли документалистов более чем уверенно. Он конгениально играл роль, связанную со словом, я с камерой не плошал. Председателю рыболовецкой артели доложили: основная цель командировки киногруппы – посещение камчатских вулканов, но заодно, дабы не мотаться лишний раз с края на край страны, решили снять героическую работу тружеников моря. Это одно. Второе и главное, мы сказали председателю, что снимать документальный фильм про рыбаков на берегу, не замочив, образно говоря, ног в морской пучине, это, на наш взгляд, ниже городской канализации, тем паче – журналистского достоинства. Руководителю артели деловой подход «киношников» понравился. Есть, говорит, три варианта морских съёмок. МРС – малое рыболовецкое судно выходит на лов на сутки. Если этого недостаточно, среднее рыболовецкое судно неделю в море работает. Можно при желании на месяц уйти на большом корабле.

Мы остановились на МРС.

«Хорошо!» – сказал председатель и вызвал парторга. Дал ему указание – показать хозяйство рыбартели и оформить киногруппе пропуска в погранзону.

Мы хоть и липовые киножурналисты, но туристическая судьба куда только не забрасывала, с парторгами приходилось иметь дело. Они что в Сибири, что на Урале, что в Узбекистане одного кроя. Знакомить с хозяйством начинали с Доски почёта. Камчатский работник идеологического фрон-

та с ходу повёл к портретной галерее передовиков. Мы с ходу включились в работу. Я с камерой на плече снимаю, Терёшкин строчит в толстенный блокнот. Специально купил перед тем, как мы пошли корреспондентами прикидываться. Причём в роль вошёл, не подкопаешься. Записывая, оставливал парторга, переспрашивал, просил не частить, дабы правильно занести «в протокол» фамилии передовиков и достижения хозяйства на трудовом фронте. Парторг на портреты показывает, соловьём заливается. Вот капитан такой-то, а это технолог такая-то, а это лучший механик...

Снимал я не какой-нибудь 8-миллиметровой мухобойкой, в моём распоряжении была серьёзная машина – «Красногорск-4», 16-миллиметровый аппарат. Со всеми наворотами имел более пяти килограммов веса. Пришлось покорячиться в походе с доптяжестью. Зато – вещь. Будь простенькая любительская, навряд ли поверили рыбаки в наше киношество. Фиксирую на плёнку Доску почёта, Терёшкин, сама серьёзность, пишет, у парторга язык натренирован, фамилиями сыплет, заслуги артели перечисляет.

Потом парторг взял тайм-аут, отправился к пограницам оформлять нам пропуска. Мы слегка помандражировали: вдруг завернут. Всё прошло как по маслу. В восемь вечера парторг повёл нас в порт на судно, познакомил с капитаном: «Профессионал, достойный любого кино!» Кэп не стал корчить из себя неприступного морского волка, отшутился: «Согласен даже на медаль!» И сказал, что в четыре утра вы-

ходим в океан. А кто не успел, тот опоздал.

Собираясь на съёмки, посоветовались две секунды и прихватили с собой спирт. «Фляжечка никогда не помешает!» – глубокомысленно заметил Терёшкин и сунул семисотграммовую ёмкость в карман куртки. Спирт был медицинский. Какому быть ему, коли жена Терёшкина терапевт. Фляжки – дефицитный для советской торговли товар – Витя возил всем друзьям и знакомым из Северодвинска, куда часто ездил в командировки и где их выпускало заодно с атомными подводными лодками Северное машиностроительное предприятие.

Без четверти четыре мы взошли на палубу МРС. Его экипаж во главе с капитаном, в сумме человек десять, сразу отправился спать, кроме штурмана и одного морячка. Капитан предложил и нам поотдыхать, показал места, где можно расположиться. Схема добычи рыбы такая: штурман выводит судно на место лова и, как только МРС достигнет нужной точки, идёт спать вместе с морячком, с которым стоит вахту, остальная команда наоборот прекращает ночевать и приступает к героической работе. По окончании лова рыбаки падают спать, предварительно разбудив штурмана, ему вести судно домой.

Мы и не подумали спать. В море не подушки давить напросились. Я камеру достал, принялся снимать океан во всех ракурсах, на штурмана тоже чуток плёнки отвёл. Ему лет сорок, не хуже парторга говорун. Но его речь Витя в блокнот

не записывал. Ниже парторга он не опускался. Часа три шли на рыбалку, всё это время штурман рассказывал об особенностях бухты, рыбного камчатского промысла, судах и, глядя на экран эхолота, знакомил с содержимым моря под нами: «Вот камбала, она сегодня и даром не нужна, ставриду ловим...» Молотил языком. И всё по делу. С самой лучшей стороны себя показал. Витя мне шепчет: «Фляжечку ему отдадим». Капитану-передовику неудобно питейные презенты вручать. Штурман – свойский мужик, пусть после работы с товарищами из команды угостится от нашего имени.

«Спасибо, ребята», – очень даже не отказался от фляжечки штурман.

Мастер своего дела, он вывел МРС на огромный косяк ставриды. В буквальном смысле – ловить не переловить. Штурман с моряком пошли спать, остальные навалились на рыбу. Я с камерой не расстаюсь, тоже вошёл в раж, мои друзья-туристы кинулись рыбакам помогать. Те вытянут полнейший невод, эта махина о семи карманах висит над палубой. По одному карману открывают, и каждый раз сверкающий вал рыбы обрушивается на палубу. Картина – снимай и снимай... По сторонам, куда глаз хватает, океан... Сверху, во все стороны, небо, солнце ослепительно сияет... Вокруг МРС чайки носятся. И тонны живой ставриды...

Надо сказать, если под МРС косяк ставриды, это не значит, что в нём полная расовая чистота. Ничего подобного. Кто только в сеть не попадался. Такие чуды-юдошные

экземпляры... Рыба-чёрт. Страшилище натуральное. Сама чёрная, губищи здоровенные, глазищи по полтиннику, зубищи... Только детей пугать. Мне лисичка понравилась, очень симпатичная рыбка. По науке, наверное, по-другому называется, морячки так представили. Жёлтая, мордочка удлинённая, тело вытянутое... Красивая. Двух видов крабы. Камчатский – огромный из себя. Светло-коричневого оттенка. Королевский поменьше, с клешнями – с тарелку будет. Цвет бордовый, насыщенный... Мне, сухопутному человеку, страшно интересно. На камеру снимаю, с рыбаками покопаюсь в рыбе. Что-то из сорной за борт отправляют – гуляй, мы таких не любим, что-то берут в личное пользование...

Раз семь забрасывали сеть. Каждый раз под завязку вытягивали. Контейнеры в трюме забили. Начали прямо на палубу валить ставриду... Азарт обуял – не удержать... Это как за грибами, бывало,

поедешь и попадаешь на такую прорву... Все корзины-ведра с верхом, а грибов и не убавилось... Срываешь с себя рубаху – плевать на комаров. Случалось – в трусах оставался. И брюки шли в дело, штанины внизу завязывал – чем не мешок?

Да что грибы? Мы на Камчатке на Лево́й Аваче выходим на пережат... Мама моя родная – сплошь плавники по реке. Видимо-невидимо. Воды нет, одна рыба... И не карасики с ладонь. Мордатые поленья с хвостами движутся! Адреналин от такой картины как даст по голове! Натуральная золотая

лихорадка с рыбьим уклоном. Побросали рюкзаки и ну ловить руками. Казалось – чё там изощряться, хватай, и она твоя! Но в каждом экземпляре килограмма четыре мышц! Вроде схватил, сжал – ура! А удержать-то фиг! Играючи вырывается.

– Хорош, ребята, смешить камчадалов! – первым взялся за ум наш главный рыбак Юра Шайдалов. – Порезвились и буде! Переходим к профессиональным методам лова.

Готовясь к походу, Юра все уши прожужжал о рыбалке на Камчатке. Он-де будет кормить группу с утра до вечера красной рыбой, аналогичного цвета икрой... Для чего взял с собой трезубец, сплёл сетёшку. Речки неширокие, значит, сетью перегораживаешь, и рыба твоя. Просто и эффективно. Сначала Юра достал трезубец... Ну, трезубец – это громко, правильнее – трезубчик. Он бы и полновесный сделал, но и без того рюкзак неподъёмный, поэтому остановился на облегчённом варианте. Шайдалов встал посредине рыбного потока, выбрал достойный экземпляр и с криком:

– Банзай! – вонзил все три зуба в спину кеты.

Попытался поднять добычу, трезубчик согнулся, будто был не из стального пруточка, а из алюминиевой проволочки...

Юра бросился к рюкзаку, там у него была другая снасть – сеть. Они с Витей Терёшкиным растянули её, а меня поставили на загон кеты. Дали первую тоню, вытащили, и начался общий хохот. Ни одной рыбины, сплошные пробоины.

Самым сметливым оказался Санёк Ветланд, выхватил нож, с демоническим криком пронзил первую попавшуюся рыбу, припечатал ко дну, вытащил. Глядя на это, мы тоже бросились с ножами в поток. Бьём – вытаскиваем. Бьём – вытаскиваем. Голова, затуманенная адреналином, не сообщает: зачем столько? Куда? Девять рыбин забили на шесть человек, прежде чем остановились. Нам двух хватило под завязку... В следующий раз на таком улове и остановились...

Рыбаки вместе с капитаном не хуже нас завелись на стариду. Тем временем погода даёт резкий крен, пришло радио со штормовым предупреждением. Как говорится, хватай узлы – вокзал отходит! Но капитан решил: время ещё есть половить, а потом вовремя улизнуть от шторма в бухту. Успокоился, когда всю палубу завалили. Как грибник, который последние штаны снял под добычу...

Тут-то шторм и достал.

Я как кинохудожник без ума от такой погоды. Кадры бесподобные! Океан дыбится, ходуном ходит, глыбы воды обрушиваются на судно. Буревестники, чайки низко носятся. Стихия. Всё ревет, движется. Динамика, экспрессия, суперпогода... Волна идёт, в один момент брызги срываются с гребня, вал уже пошёл на спад, теряет энергию, а брызги, как из пращи пущенные, летят...

Всю рыбу с палубы смыло, вместе с ней часть заработка рыбаков. Да не до жиру им в кошельках, быть бы живу. Ситуация серьёзная. Капитан отдал команду двум матро-

сикам задраиться в машинном отделении. Они унырнули в люк. Всю нашу «съёмочную группу», кроме меня, кэп прогнал вниз. Мне разрешил поработать, продолжить фиксировать на плёнку природный катаклизм. Волны тем временем растут. Начали перехлестывать судёнышко. Жуть в полном смысле слова. Капитан вызвал с отдыха штурмана. Тот принял вахту. И повезло команде, кораблю и его гостям (то бишь нам), капитан остался в рубке на тот переходный момент. Не ушёл вниз, так бы моё кино не увидело свет... А увидело подводную тьму... Огромная волна стеной на МРС прёт, а штурман засыпает за штурвалом. Рёв ветра, бешеная болтанка, а он спит, стоит и какие-то мирные сны видит, потому как ни на что творящееся вокруг внимание не обращает. Что там это судёнышко перевернуть! Стоит оказаться бортом к волне-громадине и... Здравствуй, ставрида, мы к тебе сами плывём... МРС в порту смотрелось нормальным корабликом, не какой-то там катер, что по Иртышу рассекает в выходной день. Но в океане МРС – спичечный коробочек. Утлое судёнышко против такой стихии. Его-то штурман сонным своим бездействием ставит бортом к волне. Отдыхая от вахты, наш славный штурман время на сон терять не стал и всю-то нашу подарочную фляжечку употребил. Разбавлял спирт водой или нет – узнать не удалось, но с морячком, с которым утреннюю вахту стоял, не поделился. До последней капли влил в себя. Капитан потом скажет: «Я его года четыре выпившим не видел, не то что пьяным!» За штурвалом МРС

стоял морской волк косою в дупель, в дрезину, в драбадан, в стельку и во все остальные сочные определения крайней степени опьянения.

Кэп вовремя отшвырнул его от управления судном, при этом произнёс сакраментальную фразу: «Ладно, нас потопишь, об этом никто не узнает, но группу московских корреспондентов! Это же скандал на всю Россию. Позор нашей артели...»

Что значит патриот своего предприятия.

Похоже, он забеспокоился, что пьяный штурман попадёт в документальное кино и получится сатирический киножурнал «Фитиль», а не «Рыбаки-передовики». Отдал мне команду прекратить съёмки и по причине погодных условий идти вниз. Я спустился в кубрик. А там «съёмочная группа» травит. Плохо всем. Зелёные. На меня, увлечённого операторскими функциями, качка не действовала, но стоило расстаться с камерой, как в горле встал ком. Кораблик швыряет, он то вверх летит, то вниз ухает. При таком раскладе содержимое желудка находится в желудке не желает, рвётся наружу.

Прескверное состояние. Тошнота, а кроме неё мыслишка предательская: можно и не дойти до берега... На этом невесёлом фоне кок, молодой белобрысый парнишка с улыбкой на всю круглую физиономию, появился: «Ну что, ребята, давайте покушаем!» Как тут не подумать: издевается над штатскими салагами. От одной мысли о еде её остатки устрем-

лись вверх.

«Уйди!» – прорычал Витя Терёшкин. Но кок вовсе не думал шутить. Улыбался без подвоха: «Ребята, я приготовил молодую камбалу и краба камчатского. Надо кусочек через “не могу” проглотить, как рукой снимет! Даю гарантию!»

Я, человек склонный к экспериментам и авантюрам, кусочек краба с невероятными усилиями (я его туда, он, зараза, обратно) пропихнул в себя. И что вы думаете? Не обманул кок, посидел я чуток, подождал, как поведёт себя деликатес. А он прижился в желудке, больше того – тошнота исчезла, морская болезнь вместе с ней. Пять минут назад впору было за борт от мучений прыгать, и вот уже страх поутих, напряжение спало.

Зато шторм и не думал баллы снижать, буйствует... Швыряет с волны на волну, играет судёнышком, как щепкой. После того шторма я ещё больше Фёдора Конюхова зауважал, один в кругосветки ходит на углой яхточке.

Бултыхало нас, бултыхало. И вдруг как обрезало, совершенно неожиданная тишина. Полнейшая. Витя Терёшкин потом признался: «Первая мысль была: всё – приплыли, идём на дно». Ничего подобного, мы зашли в Авачинскую бухту и на себе почувствовали её уникальность: в океане шторм ревёт, здесь спокойная вода.

Все повеселели, повыскакивали на палубу. Ура – живые! Рыбаки на прощание дали нам полмешка краба. В море я нахваливал коку, это когда тошнота прошла и ел краба в

охотку: «Во, вещь! Во, супер! Редкая вкуснятина!» Рыбаки считали за честь угостить киношников деликатесным морепродуктом: «Поешьте на берегу без всякого шторма!»

Как мы сходили с МРС на твёрдую землю – тоже картина, которую я непростительно не увековечил на киноплёнку. Операторский прокол. Идёшь, а ноги не держат, подкашиваются, швыряет тебя из стороны в сторону. Улицы мало. Штурман после фляжечки спирта лучше ходил, чем мы, трезвые как стёклышки.

Нетвёрдой походкой добрались до петропавловского турклуба, там остановились на ночлег. У них плита имелась, кастрюли... Отработанный вариант приёма тургостей. Я, как только отошёл от океанской рыбалки, принялся готовить краба. Есть такая слабость – у плиты постоять, тоже плод походной жизни. Сварил. Ребятам, которые не ходили с нами (двое – Санёк Ветланд и Наталья Алексашина – отказались от корреспондентской вылазки), говорю: «Сейчас за ушами будет трещать, исключительного вкуса вещь!» Поставил на стол, не пробуя, – на сто процентов был уверен в себе. Гадость получилась редкостнейшая. Без всякой морской болезни не заставишь себя проглотить. Ребята потешались, мол, Шурику так понравились океанские тошнотики, что решил продолжить сеанс на берегу.

Поржали надо мной, выплёвывая краба. А мне не до смеха. Как так могло получиться? Свежайший краб, а есть невозможно. Короче, неудача сильно задела за живое. На

следующее утро не поленился, в половине четвёртого, когда все мои друзья-товарищи дрыхли, поднялся и побежал в порт к нашему МРС. Капитан увидел:

– Забыли что-то?

– Ага, – говорю, – рецепт приготовления крабов.

Дождался белобрысого кока:

– Слушай, вроде краб тот же, а вкус скуловоротный. В голодный год есть не станешь! Жутко противное мясо!

– Вы воду какую брали? – спрашивает кок.

– Не из лужи, из-под крана.

– А соли сколько?

– Столовую ложку на кастрюлю бросил.

Фишка состояла в том, что краб варится или в морской воде, или пресная доводится до консистенции морской.

– Есть у меня свои нюансы, – сказал кок, – травы да специи, но главное – вода.

С коком переговорил, гляжу – штурман идёт. «Как – спрашиваю, – состояние с ощущением?» Он подмигнул и шепчет: «Спиртец – высший класс! Спасибо! Теперь главное воздержаться, воду не пить, а то опять захорошеет!»

Пока ребята спали, я сварил краба в морской воде. Проснувшись, они позабавились, начали издеваться, опять, мол, хочешь нас плевать заставить, лучше бы суп из пакетиков заварил. Витя даже обиделся, он в тот день не с той ноги встал, а я с крабом. Загорчал:

– Я тебе что – подопытная собака всякую гадость жрать?!

Сам потом добавку просил.

– Собакам, – говорю, – в последнюю очередь, если только что от людей останется в кастрюле.

Когда в Омске зимой фильм монтировал, обнаружил штурмана среди передовиков на Доске почёта. Гордо смотрел с портрета. Настоящий морской волк. Фильм я отправил в Москву Сенкевичу в телепередачу «Клуб кинопутешествий». Он через месяц письмо прислал и Почётную грамоту. Добрым словом отметил съёмки вулканов, о кадрах рыбалки хорошо отозвался. Фрагмент фильма весной показали в «Клубе кинопутешествий». Штурман, который нас по нашей доброте и нашей же дурачности чуть не утопил, тоже промелькнул на телеэкране.

Пещера снежного человека

Жара

О Якутии я бредил долго. Мечтал увидеть своими глазами хребет Черского, ледник Атласова, ледник Обручева. За год до этого мы ходили на Шумак, прошли по верховью Китоя. Гнус доставал – что-то невообразимое! Казалось, весь мир вокруг тебя – это огромный рой мошки, который, сколько бы ты ни шёл, никогда не кончится. В верховьях Китоя брусника уродилась, хоть горстями ешь, и вкуснейшая, но стоит умерить шаг, наклониться, и физиономия чёрная от кровососущей напасти. У меня ещё кожа толстая, жуткими волдырями не покрывалась, с нами ходила Лена Бутакова... Утром проснётся, и глаз нет, заплыли, собственного носа не видит. Ведём бедняжку к ручью, сама не в состоянии. Холодной водой промоет зрение, остудит опухлости, какие-то щёлочки откроются.

Собираясь на Шумак, репеллентами не запаслись. В тайгу шли и легкомысленно средств от гнуса не взяли. Зато наученные болезненным шумакским опытом, каких только гадостей не набрали в Якутию: мазей, москитных сеток... Не куда-нибудь идём – в зону вечной мерзлоты, где самая крутая мошка... Да только на Якутию в тот год аномалия сва-

лилась. Жара африканская. Если уж в оленьих стадах падёж начался, гнус-кровосос и подавно не выдержал пекла. Вообще не поднялся в то лето на крыло.

Идёшь, и лучше не надо, никто тебя не жрёт, не портит жизнь, наслаждайся пейзажами нетронутой природы. Но по закону сообщающихся сосудов другие проблемы появились. Одна из них – проблема с наживкой для хариуса. К хребту Черского двигались, остановились на обед у речки. Мы с заядлым рыбаком Игорем Ропановым скорее снасти доставать. Но овода поймать – вопрос из вопросов. Редкие единицы летают. Самые жароустойчивые экземпляры. И осторожные зверюги, знают о своём дефицитном положении. Ждёшь-ждёшь, пока он на тебя сядет... Но стоит надеть на крючок, забросить, ещё воды не коснётся, хариус уже выскакивает навстречу, хватает дефицит. Витя Терёшкин тоже порывался удочку снарядить, но мы его посадили на ловлю наживки:

– У тебя площадь большая, снимай штаны и футболку, приманивай белым телом...

И всё равно долго получилось... Штук двенадцать приличных хариусов взяли, только почистили с Игорёшей, как надо идти. График жёсткий, времени прохлаждаться некогда. Но не выбрасывать такую красоту. Я быстренько подсоллил, по полиэтиленовым мешочкам рассовал и на пояс. Обвешался, как охотник утками. Два солдатских перехода по сорок пять минут отмахали, смотрю – моя рыба начала отпадать от костей. Ребята, говорю, по-моему, хариус пригото-

вился в собственном соку, можно употреблять. Витя Терёшкин чуть креститься не начал:

– Ты чё – травануть нас хочешь? На понос посадить!

– Да не может она, – говорю, – за полтора часа испортиться!

Витя функции медика исполнял в походе, не хотел иметь диарейных пациентов. Я попробовал рыбу – классно на солнце приготовилась. Мясо нежнейшее... Терёшкин посмотрел-посмотрел на наши довольные от рыбы рожи и тоже начал уплетать.

Пять рукавов безводной речки

Речка Тирехтях, вдоль которой пролегла часть нашего маршрута, в одном месте делает финт по принципу: гулять так гулять. Даже не раздваивается или растраивается, разливается на пять рукавов. Нам одного хватит, по крайнему пошли в хорошем темпе, и вдруг вода закончилась. Текла себе, текла, и раз – сухое русло. Досадно, конечно, да ладно. Ждать у сухой речки дождливой погоды не с руки. По карте смотрим, всего-то водораздельчик перемахнуть, и мы на берегу другого рукава... Перемахнули по-лёгкому... Рукав оказался по наполнению аналогичный первому. Как всегда бывает: воды нет, начинается психоз жажды – смерть как пить хочется. Фляжки у всех сухие, как речное русло, у которого стоим. Переваливаем на третий рукав, и вот тут начинается общий бзик. Бросились ножами в русле яму копать! Хотя бы по паре глотков добыть! Куда-то ведь вода ушла, где-то на нижнем слое должна быть. Ни капли не накопили. Как без воды идти? С тяжеленными, за сорок килограммов, рюкзаками. Впору назад возвращаться. Мы ведь не в парке культуры и отдыха. Ни одной бочки с квасом на тысячи километров вокруг. Обезвоживание организма – это смертельные шуточки...

Ребром вопрос поворачивать оглобли не встал, но начал с бешеным ускорением зреть. Без всякого энтузиазма пота-

щились

к четвёртому рукаву. Карта чёткая, не врёт, точно вышли и увидели худшее – перед глазами открылся сухой результат. Трусливо замаячило в голове: а дойдём ли без воды назад? Вперёд – однозначно не дойдём. Жара давит и днём, и ночью. В пустыне с наступлением темноты холодает, здесь полярный день круглые сутки. Солнышко чуть зайдёт, а всё одно светло, и пекло не стихает.

У пересохшего четвёртого рукава группа села в мрачной задумчивости. Я понял: на пятый рукав не сдвинешь. Ребята в группе

отборные, проверенные, поход пятой категории сложности, случайных людей нет, опыт у всех достаточный, а у большинства – предостаточный. Но даже у таких зубров оптимизм сдулся до нуля. Окинул я взглядом группу, из всех замученных Яша Цапинский наиболее свежий. Говорю ему:

– Яша, айда на разведку! В последний раз перевалимся, если облом – крутим педали взад!

Яша, спасибо ему, не стал артачиться, изображать смертельно уставшего: «Почему я?» Рюкзаки мы бросили, но не с пустыми руками двинули на разведку – с пустыми фляжками. Я штуки три распахал по карманам, Яша столько же, и поплелись через водораздел. Вот было счастье, когда увидели издалека блеснувшую на солнце воду. Есть! Пятый рукав выстоял в борьбе с якутской жарой. Напились мы с Яшей до бульканья в животе! Припадём к воде и пьем-пьем, пьем-

пьем, отвалимся, отдышимся и опять жадно глотаем... Наконец фляжки набрали и с криком: «Ура!» побежали к группе. Откуда только силы взялись.

Перевал Атласова

Жара продолжала подкидывать сюрпризы по всему маршруту. Ледник Атласова прошли, за ним одноимённый перевал. На перевал шли по узкому кулуару. Ширина варьировалась, в некоторых местах сужалась до четырёх метров, а средняя – восемь-десять.

И длиннющий. Сутки по нему шли. Остановиться, палатки поставить, отдохнуть в более-менее нормальных условиях негде, склон приличный, и никуда из этого каменного коридора не выйдешь. Одна дорога – быстрее гнать вперёд! Там тебе отрада и отдых. Но торопись осторожно. Каждые пятнадцать-двадцать минут камнепад. Горы, хоть и каменные, а не хуже оленей и гнуса жару не переносят –

начали разрушаться. Идёшь, а ушки на макушке. Оп! Стоять, бояться, деньги можно не прятать! Шуршит впереди. Летят сверху по склону камешки, камни и булыжники. Накроет – мало не покажется.

За все мучения, опасения и пережитые страхи на перевальной точке нас ждало нечто неопишное. Вышли на неё, а там... Огромная дыра в горе, и вся в горном хрустале. Солнце как по заказу ударило... И началось невообразимое. Лучи хлынули на хрусталь, он заискрился сотнями граней, заиграл на все цвета радуги. Мама дорогая! Никакой цветомузыке не повторить этой симфонии света, цвета, сияния...

Колечко с бриллиантом повернёшь, камешек луч света поймает, замысловато преломит – уже красиво! Тут тысячи граней под разными углами... Всё сверкает, блистает, переливается, вспыхивает... И тишина... Мы как упали на рюкзаки, так часа два любовались чудом среди гор...

– Только ради этого стоило идти корячиться на перевал! – сделал вывод Игорь Ропанов.

Кровожадно-снежный человек

Взяли мы перевал Атласова, вышли на ледник Обручева. Самый большой ледник на хребте Черского. На двенадцать километров тянется. По плану маршрута отсюда мы делали два кольца. В одном месте на леднике есть пятачок, метров сорок квадратных. Вокруг лёд, а здесь единственное каменистое пятно. На нём разбили базовый лагерь, с которого идти на второе кольцо. Предстояло также сделать заброску – спустить в нижнюю точку ледника часть продуктов и вещей, чтобы оттуда начать первое кольцо...

Делая заброску, километра на полтора ушли от лагеря и обнаружили пещеру на склоне. Странно-непонятного происхождения. Ледник, и вдруг в нём пещера. Сама образовалась? Но как? Углубляться в неё не решились. Прикинули: судя по всему – глубокая.

Витя Терёшкин заглянул в неё, покрутился рядом и сделал холодком прошедшее по нервам предположение – снежный человек. Витя был сдвинут на пунктике – внеземные цивилизации, загадки континентов, снежные люди. Читал соответствующую (тогда редкую) литературу и в походах у костра рассказывал о тайнах Земли и Вселенной, в частности, об изысканиях профессора Поршнева, который в шестидесятые годы двадцатого века

вопреки позиции официальной науки занялся проблемой

снежного человека, организовывал экспедиции в поисках этого, как он считал, тупикового эволюционного ответвления неандертальцев. По созданной им карте обитания загадочного феномена в Якутии снежный человек или йети тоже был многократно зафиксирован местным населением, а также геологами. Об этом Витя нам все уши прожужжал. Считал своим долгом вечером у костра выдать порцию ужастиков.

Мы высказали сомнение на рукотворное, даже снежнорукое, происхождение пещеры: чё бы отрывать жилище у чёрта на куличках, где, кроме льда и камней, жрать нечего. Витя категорически не согласился:

– Вы рассуждаете по человеческой логике, – пламенно отстаивал версию присутствия рядом с нами таинственного существа, – тогда как йети всегда селится в самых труднодоступных местах!

По поводу якутского снежного человека, попавшего на карту Поршнева, я придерживался более правдоподобного объяснения. В стародавние времена в Якутии, если человека уносило на льдине от посёлка, он не имел права в него возвращаться. Суровый был закон. Приходилось оторвавшемуся от коллектива аборигену жить в одиночку среди дикой природы. А с волками жить – по-волчьи выть: хочешь, не хочешь и сам одичаешь. Терёшкин смеялся над моими объяснениями, называл их бреднями для младших школьников:

– А как же тело этих существ, покрытое шерстью?

Я не стал с Витей спорить... Ему всё равно не докажешь, что столкнусь в безлюдном горном месте с человеком, одетым в шкуру, тебе от страха ещё не то померещится...

Вдобавок ко всем странностям обнаружили вблизи пещеры следы, смахивающие на отпечатки человеческой ступни. Точно не скажешь, но очень похоже на след босых ног. Очертания под палящим солнцем размылись, да всё одно без замеров видно – немаленький размер у этой ножки. Даже огромный.

Устраивать дискуссию – снежный человек или какой другой наследил – было некогда. Не за тем пришли. Надо заброску делать. Вниз по леднику на кошках начали спускаться, вдруг опа – красное пятно на льду, кроваво-красное. Витя долго его рассматривал, но от поспешных комментариев воздержался. Молчит как партизан.

Только без его научных выводов в голове у каждого из нас сложилась невесёлая картинка: там странная пещера с отпечатками ног, здесь кровавые пятна. Нет ни костей обглоданных, ни других останков, но пятна характерные. Дальше – больше. Они стали попадаться на всём пути. Идёшь-идёшь – есть! Идёшь-идёшь – снова! Неужели целая трагедия развернулась? И чья эта кровь? Вскорости подозрения вдвое гуще стали. Спускаемся вниз, стоит палатка. Хорошая самодельная палаточка. Два спальника в ней валяются. Именно валяются, скомканные, перекрученные. И никого. И ничего. Ни рюкзаков, ни снаряжения. Пусто. Поорали, покричали.

В ответ гнетущая тишина. Обратно идём – тоскливо на душе. Замкнулась логическая цепочка: во льду пещера, на льду кровь и палатка бесхозная... Витя, знаток снежного человека, высказался в его защиту:

– Странно, они обычно кровожадностью не отличаются, тем более людоедством...

На что Яша Цапинский начал ржать. Я, честно скажу, забеспокоился: не крыша ли у бедолаги поехала? Чердачок рвануло, как представил себя в лапах монстра. Он и раньше странно похихикивал на наши разговоры о крови, пролитой на леднике, а тут чуть не падает от хохота.

Яша впервые пошёл в такой сложный поход. Витя Терёшкин всю дорогу над ним подшучивал. При возникновении необходимости что-то принести или совершить другое явно не царское дело, загадочно говорил: «А где у нас молоденький-молоденький, резвенький-резвенький, розовенький-розовенький поросёночек?» Имел при этом в виду Яшу. Этакая дружеская дедовщина.

На хохот Цапинского Витя с испуганным сочувствием произнёс:

– Яша, тебе плохо? Сейчас таблеточку успокоительную дам!

Полез в рюкзак за аптечкой.

– Дураки вы, дураки! – Яша продолжал хохотать над товарищами по походу. – Не нужна мне твоя таблеточка от снежного человека! Крыша моя на месте, не надейтесь, чего и вам

желаю! Это не кровь! Так что не пишите кипятком в штаны! Это элементарные водоросли!

– Какие такие водоросли при минусовой температуре льда? – возмутился Витя обвинением в невежестве. И кто обвинял? Самый что ни на есть «розовенький-розовенький».

– Те самые водоросли, что живут во льду! – научно пригвоздил наши страхи Яша.

Яша в отличие от большинства из группы был не технарь. Он на тот момент перешёл на пятый курс пединститута, на географа учился. Говорил уверенно, даже по латыни название водорослей сказал. Короче, убедил. Почесали мы затылки, приободрились. Разве мы против, даже неплохо, что водоросли водятся во льдах. И никто тут никого заживо не кушал.

– А где тогда хозяева палатки? – Терёшкин никак не мог расставаться с волнующей кровь темой снежного человека.

– Я не брал, – ответил Яша.

Посёлок Сасыр

Мы прошли маршрут, вернулись в посёлок. Тоже уникальное место. Основной вид деятельности в Сасыре – разведение чернобурок. Заправлял хозяйством, а практически всем посёлком Валерий Иванович Пак. Кореец. Это был, пожалуй, единственный населённый пункт в Якутии, где местные не пили. Ещё Советский Союз в помине не знал о горбачёвской борьбе за трезвость, здесь таковая поголовно царила без борьбы. Правда, через сорок лет и Сасыр запылся до того, что прогремел по интернету чередой самоубийств молодых парней, за один месяц – пять человек. При Паке всё работало, и дисциплину он классно поставил. Начинал в Сасыре после института управляющим зверофермой, а потом его назначили главой хозяйства. Пак разработал и внедрил свою схему производства. «Раз в месяц собираю совещание, – рассказывал, – ставлю задачи и можно не контролировать!» Паку тогда было чуть больше тридцати лет.

В посёлке пять улиц, и вселенная во все стороны – до ближайшего населённого пункта, Усть-Неры, тысяча километров. Только самолётом можно долететь. И не каждый день. Нам повезло, возвращаемся с Хребта Черского, заходим в Сасыр, а в небе снижающийся Ан-2. Класс! Послали гонца на аэродром. Кого – спросите? Само собой, «розовенького поросёночка» Яшу. Но лётчики в отличие от нас не спешат.

ли на Большую землю. Надумали порыбачить – хариуса половить. Сказали Яше: «Вылет завтра».

Завтра так завтра. Тоже неплохо. Оказалось – плохо. Ночью, размывая полосу, пошёл ливень. Ох, лётчики потом сокрушались, зачем сразу не улетели. Дождь зарядил на пять дней. Ан-2 не всепогодный истребитель, и взлётно-посадочная полоса в Сасыре не бетонка.

В ожидании погоды надо как-то развлекаться. Местная культура могла предложить один вид отдыха – кино. Лётчики доставили в клуб новый фильм. Как сейчас помню его замысловатое название «Когда женщина садится в седло». Про героическую борьбу с басмачами на заре советской власти. В зале якуты, якутки. По ходу фильма идёт жёсткий эпизод, сродни знаменитым кадрам из «Белого солнца пустыни». Парня злые басмачи зарывают по горло в песок. Зал горячо переживает, якутки начинают плакать. Кино не больно мне понравилось. Но на следующий день снова эта самая женщина «садится в седло». Кинопрокат Усть-Неры послал с лётчиками всего один фильм. Нет бы штук несколько, ведь не каждый день в Сасыр авиарейс. Да у кинопроката свой расклад. На второй день я не пошёл в клуб, на третий, думаю, надо чем-то себя занимать. В зале та же публика, другой откуда взяться? Сасырцам, как и мне, тоже нечего вечером делать. На экране в третий раз за последние три дня молодого борца за светлое будущее басмачи зарывают по горло в песок, обрекая на жуткую смерть. И снова те же якутки льют

слёзы над злой участью парня...

Никакого телевидения в посёлке не было. Электричеством два мощных дизеля сеансами снабжали дома. Утром часа на два его давали и вечером примерно на такой же период времени. Однако в каждом доме (кстати, они не закрывались в принципе) стоял холодильник. У якута спрашиваю:

– Зачем вам холодильники? Электричества всё рано нет, ведь это напрасно потраченные деньги и целая эпопея доставить бесполезный ящик с Большой земли!

– Модно! – лаконично прозвучало в ответ.

И возразить нечем. Логика и мода – песни из разных опер.

В посёлке чин по чину имелась столовая. В первый день мы приходим – оленина, на второй – она же в меню, и на третий. Да что ты будешь делать? У меня изжога от такого разнообразия. Девчоночки-якуточки поварят.

– Девочки, – спрашиваю со слезой, – а нельзя ли что-нибудь другое приготовить, рыбки например?

Они мило улыбаются:

– Мы готовим из того, что в кладовке есть. Рыбы нет. Сходите на озёра наловите, мы вам поджарим.

– А на чё ловится?

– На красную тряпочку.

– Что значит, «на тряпочку»?

Я подумал, девчонки разводят меня.

– Возле крючка, – объяснили принцип местной рыбалки, – красную тряпочку привязываете...

В озёрах щука, окунь в изобилии. Но эту рыбу они считают за сорную. Хариус употребляют, щуку, окунь – собакам.

Я, конечно, не собака, но щуку и окуня за милую душу ем, даже не утомлённый до отвращения олениной. Тем более закормленный ею. Двинул на рыбалку. Наш главный рыбак Игорь Ропанов не захотел на красную тряпочку ловить.

– Дурота какая-то! – отреагировал на сасырскую наживку и отказался идти со мной.

Я и сам с подозрением отнёсся к тряпочной наживке. Чё там девчонки могут понимать, может, слышали звон, да не знают толком чё к чему. На всякий случай попросил у них кусочек оленины. Что окунь, что щука – хищники, им мясо подавай.

Для эксперимента на один крючок красную тряпочку привязал, на другой – оленину. Забрасываю, и тут же бешеная поклёвка, вытаскиваю – на обоих крючках по окуню, граммов на сто пятьдесят каждый. В азарте ещё раз мясо насадил. Опять парчатка. И думаю, а чё это я с олениной парюсь, её каждый раз цеплять на крючок надо, тогда как тряпочка многоразовая наживка.

Игорь с завистью посмотрел на мой улов и не поверил:

– Да ладно врать-то, на тряпочку он ловил. Я же слышал, как в столовой оленину просил.

Девчонки хорошо пожарили рыбу, и мы наконец-то сделали перерыв в оленьем рационе. Игорь, кстати, тоже не отказался от окуньков, на тряпочку пойманных.

Я ведь и на пятый день заглянул в клуб. Не так фильм посмотреть, как реакцию зала. Якутки снова оплакивали судьбу парня, голова которого обречённо торчала из песка.

Они бы и на шестой обливались слезами, да небо прояснилось, лётчики кинулись заводить Ан-2. С первого раза взлететь не вышло. Самолёт, разгоняясь, провалился. Полосу, щебёнкой посыпанную, расквасило, в ней оказалась скрытая промоина, в которую «Аннушка» ухнула одним колесом на скорости. Хорошо, винт не погнули. Всем посёлком (такое событие в их однообразной жизни!) вытаскивали из ямы воздушное судно, лошадей пригнали... Вызволили самолёт, полосу подровняли, взлетели.

После похода всегда хорошо в самолёте, мотор поёт, на душе песня – домой, домой!

Вернулся в Омск, окунулся в производственные будни, но мыслишка нет-нет, да кольнёт: не наврал ли Яша Цапинский о водорослях, преспокойненько живущих на леднике? В отместку за «поросёночка» научно присочинил. Как ни крути – куда-то ведь подевались те двое из палатки. Мы ни самих, ни их следов не встретили ни на первом кольце, ни на втором, ни на обратном пути в посёлок. Более чем странно. Мысли, как известно, притягивают обстоятельства – попадается мне журнал «Наука и жизнь». Подписчиком не был, читал от случая к случаю. Начинаю листать, ба – статья про ледниковые водоросли. Из неё следует, что на самом деле имеется такой ботанический феномен, причём, самых разных оттенков – не

только красные, что нас ввели в кровавое заблуждение, бывают фиолетовые, синие... Не наврал Яша, не наврал «поросяночек»...

Но с теми двумя пропавшими братьями-туристами как, спрашивается в задачке, быть-поступить?.. Вот они в палатке ночевали, а вот исчезли бесследно...

Тункинские альпы

Это же песня! Вслушайтесь: Бурятия, Восточные Саяны, Тункинские Альпы, перевалы – Шумак, Аршан, Грозный, река Китой! Музыка! Туда-то мы и зарядили пешую «пятёрку». Компания подобралась лучше не надо: Гоша Сараев, Серёга Иванцов, Игорь Ропанов, Петя Альбинович, Лена Бутова... Класс!

Разработали отличный маршрут: длинный, сложный, два мощных кольца... Само собой: всё своё тащишь на горбу – продукты, палатки, снаряжение... Верёвок набрали – основные, вспомогательные... Как без них в горах?.. Погоняли по кругу вопрос «братъ, не братъ крючья?» Решили в итоге прений: зачем лишняя тяжесть? Сколько раз мы те крючья вспоминали, когда животы подводило от голода. Рюкзаки получились за пятьдесят килограммов. Стартовали из посёлка Нилова Пустынь. Места первозданные, природа –

смотреть и плакать от восторга: отроги Восточных Саян, тайга со всеми красками и ароматами... Но всё мимо кассы, как говорил Игорь Ропанов. Перед взором наших очей с утра до вечера один вид –

тупорылые носки собственных ботинок. Не до красот, если тебя рюкзаком к земле плющит. Два дня прошли в состоянии выючной скотины, и вдруг колокольчики за спиной задзиньдзинькали. Подъезжает на лошади бурят.

– Я – Лёня, – представился, дурашливо козырнув двумя пальцами.

Весёлый бурят ехал верхами на шумакские минеральные источники. В поводу было ещё три лошади. Практически по-рожняком передвигался. Мешок картошки и два бидончика сливочного масла –

весь груз каравана. Лёня предложил пополнить его поклажу нашими рюкзаками. Мы не стали кочевряжиться. Разглядывая носки ботинок, тоскливо думали, что эта безрадостная картина будет радовать взор ещё как минимум до шумакских источников. А это сорок километров. Причём тринадцать из них – перевал Шумак, по трудности категории 1А. Не из простых...

Лёня выдвинул следующие условия товарищеской помощи: он довозит до шумакских источников наши рюкзаки, за что мы платим пять рублей деньгами и натурпродуктом – фляжка спирта. Расчёт на старте.

– Да без проблем! – хором согласились мы с Лёней.

За всё надо платить, в том числе за красоты, которыми можно любоваться, подняв голову от ботинок. Ударили по рукам, при этом отслюнили буряту пять советских рублей (тогда они были равны бутылке водки плюс колбаса на закуску), перелили спирт в его посудину. Лёня заметно повеселел, вдохнув пары булькающей жидкости:

– Медицина!

– Само собой, не гидролизный!

Погрузив рюкзаки на лошадок, Лёня озвучил ещё одно условие их доставки:

– Со мной поедет кто-то из вас для подстраховки, чтобы потом без обид.

Мы совещались недолго. Среди нас была дама, Лена Бутакова, да её всяко-разно не доверили бы Лёне, к тому же он затребовал:

– Только мужчина!

Определили в караванчики Гошу Сараева, он успел сбить ногу новыми ботинками, прихрамывал.

Караван, цокая копытами, ушёл, мы зашагали по тропе, как туристы-матрасники с профсоюзной турбазы: посмотрите направо, посмотрите налево...

– Как-то даже непривычно! – восторженно произнёс Игорь Ропанов, поведя свободными плечами. – Прямо чего-то не хватает.

– Могу сесть на тебя верхом, – предложил исправить нехватку Серёга Иванцов, – сразу станет привычно!

Весёлый получился бы кадр. Оба длиннющего роста, но Ропанов – сплошные мышцы и мясо, Серёга наоборот – жилы да кости. Этакая жердь о двух ногах. Вот была бы пирамида-каланча из этой парочки.

Идём, полной грудью вдыхаем таёжный воздух, очищаем лёгкие от субстанций омских предприятий, посвистываем, анекдоты травим... Впору за бабочками с сачками бегать. Кайф. На пути стали встречаться священные бурятские дере-

вья, ветки коих увешаны матерчатыми ленточками. Мы при- тормозились у первого, поглазели – невидаль для жителей омских равнин, второе дерево миновали без остановки... Тогда как Сараев и Лёня-бурят (о чём позже поведал нам Гоша) у каждого такого дерева совершали ритуальные действия.

Подъехали к первому, Лёня выпрямился в седле и командовал:

– Стоп, машина, слазь шофёр, не работает стартёр!

Причина остановки: не моги на сухую проследовать мимо священного дерева – иначе не видать удачи! Пути не будет.

Сараев с уважением отнёсся к местным традициям. Не стал возражать. Лёня достал спирт, полученный от нас в качестве платы за провоз багажа, металлическую рюмашку, имелась у него такая... Выпили по чуть-чуть. Через километр опять священное растение, требующее поклонения. Снова «стоп, машина»... Так караван короткими тактами двигался от одного культового места к другому... Уже и лес вместе с ними закончился, но «слазь, шофёр» продолжалось, пока было с чем «слазить»... Собственно, Лёня с Гошей уже и не спешивались...

Поначалу мы видели движение каравана, поднимающегося на перевал, потом он скрылся из глаз.

Туристов-пешеходников ехидно кличут лошадьми. Есть, конечно, за что. Но даже коням с нашими рюкзаками было тяжело подниматься на перевал, зато мы налегке шли ходко и быстрее лошадей одолели последний отрезок, нагнали ка-

раван. Поднялись на перевальную точку, смотрим: стоят по-нуро лошади с нашими рюкзаками, замумукались бедняги, а караванщики устроили в честь взятия перевала экстремальные состязания горных стрелков. Выглядело это так: Гоша с руками по швам замер у здорового валуна, а Лёня целился в него из карабина:

– Я белке в глаз стреляю и в тебя попаду!

Гоше и самому амбиций не занимать, сорвался с места до выстрела, выхватил у бурята карабин:

– Вставай, Лёня, ты первым! Я тоже неплохо стреляю...

Дескать, я хоть и житель мегаполиса, но кое-что микичу в снайперском искусстве.

Мы вовремя ярмарку тщеславий закрыли. Отобрали карабин у альпийских стрелков... Следы ритуальных действий караванщиков были налицо: оба еле-еле языками ворочали. В дымину пьяные.

У Лёни не только дикция захромала. Как сказал Серёга Иванцов:

«У него же крыша течёт». В походе Серёга был медиком, нёс в рюкзаке аптечку, поэтому его диагноз приравнивался к научному. Караванщик Лёня наехал на нас с претензией, мы, мол, не рассчитались сполна согласно договору, пять рублей зажилили.

– Ты ещё скажи: спирт не дали! – возмутился от такой наглости завхоз Петя Альбинович.

– Не-е-е, спирт пил!

– А пятью рублями, поди, закусил!

– Зачем? Закуска градус вредит! – пытался ёрничать Лёня. – Пять рублей жена-баба отдам, чё-нибудь покупать будет!

Как ни втолковывали, что отдали ему деньги, бубнил пьяное:

– Вы меня обманываете!

В конце концов разобиделся, сбросил с лошадей наши рюкзаки и ускакал.

– Недолго музыка играла, – изрёк Игорь Ропанов, – окончен бал, завяли помидоры.

– Ага, – вздохнул Серёга Иванцов, навьючивая себя рюкзаком, – любовь об стенку, нам с тобой не по пути! Только привыкнешь к комфорту, тебя опять физиономией в грязь!

Кончилась лафа на половине пути к Шумакским источникам. Километров двадцать осталось. Одно хорошо, все они под уклон, но плохо – дождь начался. Нам-то ещё ничего, через сто метров

втянулись в привычную лямку – топаем и топаем. Хуже вернувшемуся на землю Гоше. Он после ритуальных возлияний еле нёс себя да плюс рюкзак, те самые пятьдесят килограммов с гаком. Они сами не идут. И началась работа Ленина «Шаг вперёд и два шага назад». Рюкзак Гошу мотанёт вправо, Гоша побежит-побежит за ним, наконец остановятся оба, Гоша замрёт в раздумье, затем сделает шаг влево... Рюкзак не против данного вектора, он против черепашьего

ритма, начнёт ускоряться и... уронит тормозного Гошу. Или на себя – на спину Гоша приземлится. Это ещё ничего. Хуже, когда лицом вперёд пригвоздит к тропе... Одним словом, работа Ленина в весёлых картинках...

Вдруг дал о себе знать Лёня. Начали попадаться следы продвижения каравана. Первой весточкой стала плащ-палатка. Взяли. Через триста метров увидели мешок картошки.

– Если только на Сараева нагрузить? – сказал Серёга, разглядывая Гошу, который стоял на нетвёрдых четвереньках, собиравшись с духом. Наконец рывком попытался поставить себя в вертикальное положение, но не рассчитал траекторию подъёма – рюкзак в который раз сместил центр тяжести хозяина в критическую зону, и Гоша распластался на земле. Что заставило Иванцова отказаться от идеи помощи потеряйкину Лёне:

– Придётся овощи оставить на тропе.

Мы отметили на карте место, где караван облегчился на картошку... Вскоре на карту попали два бидончика масла. Лёня растерял всё транспортируемое добро.

В девять вечера мы притопали на источники. Место уникальное. Мало того, что красота в долине Шумака обалденная, так ещё на крохотном пятачке в два квадратных километра более ста излияний минеральных источников! И все разные по содержанию микроэлементов. У каждого табличка о составе воды, тут же перечень заболеваний, при которых рекомендуется употреблять данную минералку. Нату-

ральный дикий курорт, бальнеологическая лечебница. По когда-то заведённому неписаному правилу на левом берегу Шумака рядом с источниками располагались буряты, приехавшие подлечиться, на правом – зона проживания русских. Через Шумака мост на тросах проброшен. Можно в гости ходить...

Мы на русскую сторону пришли, там ряд избушек рубленых. Одна стояла свободной, туда мы с большим удовольствием завалились. Рюкзаки побросали. Кайф. Сараев, не снимая заплечную ношу (сил не осталось), упал на спину и как умер. А всё-таки молодец, дошёл.

– Гоше больше не наливать! – сказал Ропанов.

– И меньше! – не открывая глаз, промычал Гоша.

– О, жить будет! – констатировал медик Серёга Иванцов.

Сели мы ужинать, я ложку не успел до рта донести, за-скакивают пять воинственно настроенных бурятов. С Лёней во главе и карабинами. Только что не скомандовали: «Руки вверх! Деньги на бочку!» Однако вместо «здрасьте» сразу перешли к теме финансов. Опять скандално всплыли злополучные якобы недополученные Лёней пять рублей. Да ещё добавились к ним картошка с маслом.

Наставляя на нас карабины, буряты потребовали немедленно всё вышеперечисленное отдать.

– Тогда пусть вернёт спирт, который вылакал! – указал завхоз Петя Альбинович на Лёню. – Заколебал с этими пятью рублями! Плащ-палатку забирайте, отдать не успели.

Нам чужого не надо, но и своё не отдадим!

– Чьё бы оно ни было! – мрачно пошутил Ропанов и подвинул бурятам свой рюкзак: – Ищите! Может, где бидончик с маслом и завалился!

Кое-как удалось успокоить гостей. Показали на карте, где лежат посеянные Лёней продукты, выставили мировую, выпили с ними по чуть-чуть спирта.

На Шумак тогда много народу приезжало. Из Москвы, Ленинграда, Украины... Одних на вертолёте забрасывали, других на лошадях доставляли, третьи своим ходом за здоровьем шли. Забывчивый Лёня вторую категорию обслуживал. В тот раз на Шумак он приехал, дабы вывезти на Большую землю трёх бурят, прошедших водолечение. Во время их транспортировки произошло ЧП. Думаю, не просто так лошадь под Лёней оступилась, когда он вёл караван с людьми через перевал, а в назидание – не пеняй на зеркало, коли сам дурень. Верный конь запнулся, упал. В результате дорожного происшествия Лёня получил открытый перелом ноги. При этом скакун даже не ушибся... Пятирублёвая жадность наездника обернулась гипсом в разгар туристического сезона...

Сделали мы первое кольцо, взяли перевалы Грозный, Ветреный. Славно поработали, перевалы жёсткие, мощные, есть что вспомнить. Вернулись на Шумак. Провели ревизию рюкзаков.

И, помня ощущение, когда идёшь и видишь из таёж-

ной экзотики одни ботинки, пришли к выводу: перемудрили с провиантом, чересчур много взяли. Поиронизировали над Петей Альбиновичем, завхозом и страшным любителем поесть. При подготовке он настойчиво твердил: продуктов брать больше. Часть их оставили в избе на Шумаке, может, кому понадобится.

– Мы ведь не лошади-тяжеловозы! – сказал Серёга Иванов. – Это коняке по барабану, везёт воз и везёт, мы удовольствие получать пришли.

– Когда питаться нечем, – проворчал Альбинович, – я удовольствие не получаю! Как бы потом жалеть не пришлось! – и добавил народную мудрость: – Хлеб сам себя везёт.

Жалеть-то мы, ой как потом жалели...

В этом походе нам ещё раз «повезло» на незапланированного попутчика. Один другого краше. Следующим стал медведь. Лёня хоть рюкзаки подвёз, а этот навязался на нашу голову без всякой пользы. Что уж мы ему так приглянулись? Баламут какой-то. Так мы его и прозвали – Баламут Потапыч. Это сейчас писать весело, только вы не поленитесь, сходите в зоопарк. На картине Шишкина «Медведи в сосновом лесу» мишки миляги из себя, их погладить хочется. В зоопарке стоит вообразить встречу с таким симпатягой на тропе, не по себе делается – у него один коготь сантиметр пять. Да при нём гора мышц лохматая. Представляете, как этим коготком царапнуть можно?.. Или встанет в клетке на задние лапы... Туша о-го-го! Поэтому, разбивая вечером

лагерь, колотили мы камнем в сковородку, кричали, шумели, гремели. Баламута Потапыча наши громкие старания не убеждали в факте его нежелательного соседства с палаткой. Найдёт себе кедр поблизости, расковыряет ложе и завалится на ночлег. Вы, дескать, ночуйте в своих спальниках, а мне привычнее на земельке. Честно доложу, не очень-то расслабишься в палатке после дневной пахоты, когда голову мысль точит: а ведь эта зубасто-клыкастая морда рядом почивает. Вдруг у Баламута Потапыча откроется бессонница, и надумает он лечить её поздним ужином. Шутки шутками, а топор, ножи под рукой держали.

– Ребята, – блеснул таёжной эрудицией Гоша Сараев, – знаете, какое самое надёжное средство против медведя? Схватить его за мошонку и сжать со всей мочи. Болевой шок парализует зверюгу, и тогда делай с ним что хошь! Так действуют ханты-медвежатники.

– А если Баламут Потапыч на самом деле Потаповна? – поинтересовался Игорь Ропанов. – За что тогда хватать прикажешь?

Как ханты ловят голыми руками медведей женского пола, Гоша не знал.

– Ты сначала, Гоша, сходи и загляни Потапычу под колёса, – посоветовал Серёга, – чтоб мы точно знали, хватать или ножом орудовать в борьбе за существование.

– Ножом в глаз надо бить, – снова блеснул эрудицией Гоша, – иначе ему твой кишкорец как слону дробина.

– Но сначала, – Петя Альбинович тоже включился в разработку методики обороны от медведей, – надо попросить: «Баламут Потапыч, убери, пожалуйста, передние лапки за спину, вдруг ненароком зацепишь, когда я тебе в глазик ножичком тыкать буду».

Баламут Потапыч шёл параллельным курсом четыре дня. Утром встаём на тропу, и он в пределах видимости топаёт. Шуганём, убежит. Вроде тихо, ну, думаешь, наконец-то отвязался. С полчаса пройдёт... Да что ты будешь с ним делать – снова треск сучьев. Опять зверюга приставучий догнал.

Но на перевал Эхе Гол не пошёл, отстал.

– Медведь, медведь, а не дурак, – прокомментировал Игорь Ропанов позицию Потапыча, – сообразительная скотина! В отличие от нас не захотел мордоваться.

Перевал ли испугал мишку или погода – она вверху совсем испортилась. Снег повалил. И стали мы выбиваться из графика. Думали, нагоним, когда по берегу Китоя пойдём. Однако на деле получился капкан... С нами сыграло злую (нет – злейшую) шутку описание, которое составили наши братья по разуму, оснащённому неподъёмными рюкзаками, коллеги-пешеходники, ранее одолевшие этот маршрут. В описании чёрным по белому накатали: «Китой идти левым берегом и никак не правым». Действительно, тропа сначала была натопанной, конкретной. Резво по ней двинули, никакие Потапычи повышенным вниманием не одолевали. Бравенько шагаем. И стали нам попадаться ручки, впа-

дающие в Китою, причём свое-образного характера: правый берег – конкретная стенка, а левый – пологий. Спускаться по стенке – не карабкаться вверх: основную верёвку привязываем, к узлу вспомогаловку, на ручей сбрасываемся, вспомогаловкой узел сдёргиваем, верёвки в рюкзак и двигаемся до следующего ручья.

Хорошо идём, но вдруг упираемся в ручей с двумя глухими стенками. Тупик. Вперёд мы пройти не можем, но и обратной дороги нет, так как, если мы поворачиваем, то начинается сплошной альпинизм, иначе не пройти стенки, с которых мы сбрасывались. Надо бить крючья, тогда как мы, как говорил выше, для облегчения ноши рюкзачной крючья не взяли. Особенно напирал на это Петя Альбинович: «Лучше харчей поболее взять». В результате и с харчами пролетели, и с крючьями. Да были бы они – разве дошло до голода? Потоптались день в раздумье... Но думай не думай – взад пятки не пойдёшь. Приняли решение: свалиться к Китою и попробовать переправиться на другой берег. Мы шли по полке над самым Китоем. Внизу тянулась метров на триста песчаная коса, на неё и сбросились. Посмотрели и ещё больше пригорюнились и запечалились. Было хорошо, стало ещё горше. Китою метров шестьдесят шириной и прёт во всю мощь. Посредине реки стоит бугор воды, сразу за косой начинаются пороги – Мотькины щёки. Щёчки у Мотьки персиковыми не назовёшь. Ситуация безрадостная: здесь бугор – не переплыть, там пороги – вообще ловить нечего.

Из продуктов к тому времени осталась соль в достаточном количестве и чай. Соль ложками есть не будешь, чай тоже голод не утоляет... На востоке говорят: чай попил – орёл летаешь, водка пил – свинья лежишь! «Орёл летаешь», если бешбармак перед чаем много кушал, на пустой желудок и от ведра чая орлом не взлетишь. Спирта имелось три фляжки. Но его тоже на завтрак-ужин-обед не употребишь. Ещё один день просидели на косе в тоске и раздумьях... Исследуя местность, я двинул вверх по течению в самый конец косы, где она переходила в каменную стенку, там прижим – вода в камень давит, за прижимом ещё одна коса. Дай, думаю, попробую на неё перебраться. На наше счастье воды оказалось всего по пояс, перебрался на соседнюю косу, и не зря, смотрю – валяются пять брёвен. Остались с тех времён, когда туристы-водники на деревянных плотках ходили. Из этого материала мы сделали плотик. Вспомогаловку резали и вязали брёвна. Ладненький получился плотик. Но попробовали вдвоём плыть, нет – тонет, брёвна сырые. Одного отлично держит.

Что значит хорошая группа. Петя Альбинович имел в арсенале личных достоинств первый разряд по плаванию. Когда встал вопрос, кого отправлять на другой берег с верёвкой для переправы, определили: лучше Пети никто Китой не покорит.

Петя не стал сопротивляться. Сказал: «Если что, завещаю свой спирт любому, кроме Гоши Сараева, он своё с Лёней

выхлестал», – и взошёл на палубу плотика, точнее – возлёт на неё. Доплыл до водяного бугра, перепрыгнул его, оттолкнувшись от плотика, а дальше вплавь. Вода, само собой, холоднющая. Но Альбинович мощными гребками добрался до берега. Метрах в десяти от уреза воды стояли рядом три берёзки. Петя быстро верёвку за деревья завязал, мы со своей стороны конец закрепили. Переправа получилась около восьмидесяти метров (связка из двух основных верёвок), из них метров шестьдесят над водой. Через систему трёх карабинов сделали натяжку. И вот тут впервые серьёзно сказалось трёхдневное голодание. Натяжка потребовала серьёзных усилий, а ну-ка восемьдесят метров верёвки натяни струной!

Отправил я Гошу Сараева посмотреть натяжку. И не заметил, как он вместо обвязки на солдатский ремень защёлкнулся и полез. Добрался до связки двух верёвок и застопорился – узел не даёт дальше двигаться, надо через него ремень сначала перебросить. Гоша дёргался-дёргался – не получается. В один момент ноги (ими обхватывал верёвку) сорвались, повис на ремне, как ни пытался зацепиться ногами за верёвку – не смог. Оголодал бедняга, кишкой болтается над Китоем. Ремень начал его поддушивать. Кричу:

– Гоша, вылезай из ремня!

Гоша выскользнул, плюхнулся в воду, и его напрямиком к Мотькиным, как говорилось выше, не персиковым щёкам в эту водно-каменную мясорубку понесло. Перед самым порогом Гоша выскочил на косу. На нашей стороне...

Последним переправлялся Игорь Ропанов, он отвязал верёвку (вспомогаловку на плот истратили), подпоясался ею, и мы его на верёвке перетащили по воде. Накупался хорошо. Я тоже набултыхался. Переправлялся перед Игорёхой, за собой рюкзак тащу по верёвке, сначала всё нормально шло, но когда добрался до места связки и начал рюкзак перебрасывать через узел, вдруг верёвка ослабла, и я полетел в Китай, не успел сообразить, что же произошло, меня с силой вырывает из воды и подбрасывает вверх, а затем снова ухожу под воду... Вот это аттракцион! Оказывается, из трёх берёз, за которые привязал верёвку Петя, две трухлявые. На коре держались, их понемногу пережимало, пока другие переправлялись, но стоило дать дополнительную нагрузку, когда я рюкзак перебрасывал, стволы срезало. Верёвка, струной натянутая, как резинка, заиграла, и давай меня швырять вверх-вниз. Нахлебался Китоя, но выбрался на берег. Мокрый... Серёга Иванцов ехидненько говорит:

– А рюкзак оставляешь?

Ё-мое, про рюкзак я забыл после ледяной купели, он сиротливо болтался в районе узла. Пришлось опять лезть...

Что значит молодость и здоровье! Сейчас представлю эту ситуацию и, честно скажу, не тянет в подобной оказаться.

Обессиленные, изголодавшие, выбрались на правый берег.

И тут же обнаружили тропу. Нормальная, отличная тропа... Я не поленился, после похода нашёл в Омске автора

описания, которое нас отправило на левый берег. Наехал на путаника:

– Ты чё написал? Тропа ведь по правому берегу Китоя идёт!

Он секунду подумал:

– Конечно! А по какому другому может идти?

– У тебя в описании на левом! Мы чуть с голоду не опухли!

– Извини, перепутал, с кем не бывает...

«Перепутал», а мы, переправившись через Китою, последнее доели, опустошили заплечные амбары полностью. Поэтому радовались как дети, когда вечером, встав на стоянку, обнаружили граммов семьсот гороха, что предшественники оставили. Но больше подобных подарков от зажавшихся коллег на маршруте не попадалось, как ни высматривали. Пир на нашу ораву из семисот граммов не закатишь, тем не менее горошницу сварили и чуток подкрепились. Сигаретку бы ещё. Курцов в группе насчитывалось двое: я и Гоша Сараев. А курить, надо сказать, в ситуациях двойного (продуктового и сигаретного) голода хочется больше, чем есть. Просто полный ужас! Уши пухнут!

Вышли к слиянию Шумака и Китоя. Когда-то в этом месте золотишко добывали, памятником прииску – изба. Мы кинулись шарить по всем углам – вдруг кто поест оставил? В избушках нередко с таким сталкиваешься. На этот раз не свезло. Зато нам с Гошей перепало чуток радости. Надо бы-

ло видеть, как между половицами мы палочками (археологи, блин) ковыряли в поисках окурков. И ведь не зря раскопки вели – нашли парочку. Ух, кайфовали... С голоду голова поплыла-поплыла с первой затяжки...

Да ведь отравленный никотином организм добро долго не помнит, через пару часов опять как из пушки хотелось курить...

В состоянии голода, холода, под нудным дождём подошли под перевал Аршан, за которым одноимённый посёлок – конечная точка похода. Воображение безудержно рисовало картины гастрономического счастья: полки аршанского магазина с куревом, хлебом, консервами, а также столовая с большими, аппетитно пахнущими котлами, скворчащими сковородками полуметрового радиуса с рядами котлет... Обуреваемые радужными мечтами, двигались по тропе, что шла высоко над Китоем. Вдруг ба – на берегу двухместная палаточка, полиэтиленом от дождя накрытая. Мы с Гошей, не сговариваясь, сбросили на тропу рюкзаки и лосями сорвались вниз, только треск пошёл. Как ноги не переломали и шеи тоже... Летели, будто за счастьем... Полог палатки отбросили и как закричим в один голос:

– Курево есть?

Два мужика в палатке. Они на рыбалку из Аршана пришли. Да какая рыба, дождина беспросветный. Сидят в тоске и раздумье: то ли плюнуть на это дело и домой тащиться, то ли ждать дальше погоды...

И нас не обрадовали:

– А мы не курим!

Ё-моё! Полезли с Гошей обратно. Ну что за непруха-неве-зуха. Курить нечего, есть нечего, который день мокрые... Вечером сушишься у костра, сушишься, чтобы утром минут двадцать сухим пройти и снова до последней нитки промокнуть... Поднялись на тропу.

– Ну чё? – Игорь Ропанов поинтересовался.

– Чё-чё! Носом в печку горячо! – огрызнулся Сараев. – Некурящие оба!

– Чё и куска хлеба не дали? – спросил Петя Альбинович, не желая услышать отрицательный ответ.

Ё-моё, мы даже и не попросили.

– Я больше не пойду, – категорически отказался Гоша, будто его кто-то заставлял.

И я не побежал вниз.

Но ведь покурили мы в тот вечер. Эта пачка московской «Явы» как с неба на тропу спарашютила. Я глазам своим не поверил. Лежит под ногами. Полнёхонькая. Всего без двух сигарет. Жаль, остальные восемнадцать нельзя было сразу пускать в дело – размокшие...

– Чтоб сухие в такую погоду, это уж совсем надо быть дураком везучим, – прокомментировал находку Гоша, потирая руки, как алкоголик при виде поллитровки.

Вечером на стоянке мы с ним осторожно из каждой сигареты табак извлекли... Вид он имел отвратный, какая-то по-

носная масса, на сковороде её разровняли, посушили на костре, свернули по самокруточке... И снова кайф несравненный...

– Теперь бы поесть, – размечтался Гоша.

– Ага, кто разорвался: «Жратвы много взяли! Горбатиться с ней зазря!» – проворчал Петя-завхоз. – Терпи до Аршана!

Однако побаловать желудки удалось раньше. Подошли на следующий день под самую перевальную точку. Дождик наконец-то прекратился. Небо по-прежнему серым затянуто, солнце который день не видно, да это ладно, лишь бы не мочило. По карте избушка охотничья на нашей тропе должна быть. Всё правильно – стоит.

И как в той волшебной сказке, открывается дверь и... Хотите верьте, хотите нет – выходит Володя Соснин и жена его Лена. Омичи. Не один раз с ними в походы ходили. Лесные люди. Не нужны им моря, курорты, Сочи с Ялтой и Гагры с Пицундой – уехали в обратном направлении за пару тысяч вёрст на рыбалку и охоту.

Обнимались мы под стать передаче «Жди меня», когда встречаются близкие родственники после тридцатилетней разлуки. Лена готова была скормить все припасы голодающим. Угостила супом. Пришлось изо всех сил держать себя в руках, дабы не злоупотребить гостеприимством, не обезжирить друзей, им ещё две недели в лесу без магазинов жить. Володя убеждал, что они не пропадут, рыбы наловят. Нет, рыбацкое счастье может и подвести. Чуток бросили в опу-

стошённые желудки, истосковавшиеся по пище.

На следующий день поднялись на перевальную точку. Внизу дождь, а здесь снежок. И ровенький пологий травянистый склон. Гоша Сараев ступил на него, поскользнулся, шлёпнулся на пятую точку и заскользил со свистом. Игорь Ропанов видит такое дело и тоже следом. Сел на травку, снегом припорошённую, лёгкий толчок... И – полёт. Просто замечательно – утомлённые ноги отдыхают, а ты, с умом используя особенности ландшафта, несёшься к магазину и столовой. Я третьим катился. Летим, визжим от удовольствия. Вдруг Гоша перепуганно кричит:

– Стоять! Камни!

Травяной покров закончился, началась сыпуха – мелкие камни. А это уже не травка. Если задница вам дорогá, лучше не рисковать. Гоше была очень дорогá, он, увидев опасный участок, включил тормоза и остановился у самой границы. В отличие от него Игорь Ропанов так увлёкся спуском, представляя себя профессионалом слаломистом на горной круче. Да ладно бы летел по своей трассе, он след в след мчался за Гошей, ну и врезался в него на полном ходу. Сам-то остановился за счёт преграды в лице спины Гоши, тогда как преграда, получив толчок Игорёшиными башмаками сорок пятого растоптанного размера, полетела на камни, как из пращи пущенная...

Штаны до спуска Гоша имел одни. После завершения оно-го штанами оставшееся назвать было никак нельзя. На Сара-

ева без смеха смотреть не представлялось никакой возможности. От брюк (вид сзади) остались слабые воспоминания – на пятой точке висели жалкие лохмотья, которые едва прикрывали и саму точку, и плавки цвета пионерского галстука.

Гоша оглядел свой жалкий портрет в горном интерьере и жалостно обратился ко мне. Не только жалостно, но и, что характерно, вежливо:

– Шура, дай, пожалуйста, штаны.

Он знал, что, как человек расчётливый, я имел запасные. А он, как тоже считавший себя расчётливым – «зачем лишнюю тяжесть нести», не взял сменку.

– Нет, – отказал я. – Ты в посёлке жалким видом будешь вызывать чувство сострадания и милосердия, на этом мы можем хорошо сыграть.

План оправдался на все сто.

Вниз спустились и попали в парковый лес. Или лесопарк. Хоть так, хоть эдак называй, но до того всё ровненько, до того идеально. Без всяких садовников с ножницами да пилами деревья стояли стройные, подлесок чистый. Тайга, и в то же время – парк. Бежит тропинка без всяких колдобин, мелким камушком посыпана. Красота! По такой детский садик прогуливать...

Серёга Иванцов, ступив на неё, бросил:

– Всё, больше ноги не понадобятся!

Поторопился от нижних конечностей отказаться. Вдруг парк закончился, ему на смену по закону равновесия пришёл

бурелом. Поваленные деревья, ямы, корни торчат... Тот случай, когда ноги и руки ой как нужны, и головой думай, как бы шею не сломать, делая очередной шаг. А сил-то без питания нет, кое-как продрались. Выходим на берег Кынгырги. Речушка не велика из себя. Бревно через неё переброшено. Препятствие не из сложных, да Серёга имел неосторожность вслух брякнуть своим ногам, что больше не понадобятся, они возглас хозяина приняли за чистую монету и решили: мы своё отпахали в походе, извините. На бурелом конечности ещё настроились, но увидев бревно-мост, взбрыкнули: первое слово хозяина – дороже второго. Вся группа прошла, Серёга так и не смог собрать свои ноженьки в кучу и отмотобилизовать на преодоление преграды –

поскользнулся и полетел. Плюхнулся в воду плашмя, поднялся, глубина чуть выше колена, да ему хватило все свои сто восемьдесят с гаком сантиметров красоты намочить. Стоит, с длинной его красоты ручки весело сбегают... Если не мокрая курица, мокрый петух – точно. Встал рядом с Гошей. И мы давай хохотать, остановиться не можем. Идеальная парочка для нищенствования, самое чёрствое сердце не сможет не подать таким на кусок хлеба...

Не стоит загадывать загадку, что мы сделали, войдя в посёлок со сказочным названием Аршан? Быстрым шагом, переходящим в крупную рысцу, полетели в магазин. Мы бы и на галоп перешли, да рюкзаки мешали. Вот они – долгожданные полки. Каждый взял по булке хлеба, мы с Гошей сига-

рет накупили, довольнѐхонькие идѐм по Аршану, от булок жадно огромные куски откусываем, Гоша параллельно закурил... Булка в одной руке, сигарета в другой, на физиономии счастье. Куда дальше пошли, тоже несложно догадаться – в столовую. Шура на общепитовском крыльце не стал латать штаны, изорванные на камнях, пытался руками прикрывать дыры, да не хватает рук на такие прорехи.

Девочка-повариха заахала, заохала, увидев Шуру:

– Да где же вас так? Да как же вы так?

Собственно, все мы ненамного краше Сараева: отощавшие, заросшие, измождѐнные. Неделю голодали. На Гошу вообще без слѐз нельзя смотреть... Набрали подносы с верхом... Первое блюдо в двойном количестве, второе – в тройном... Накинулись... Смели за пару минут, за добавкой пошли... Шура так раза три за ней ходил...

– Куда бы нам кости на ночлег бросить, – блаженно поглаживая после обеда раздувшийся живот, сказал Игорь Ропанов.

Обычно в таких селениях в школу просились. Беспроигрышный вариант. Народ в глубинке всегда с сочувствием относился к туристам. В Аршане в школе «кости бросить» обломалось. Тут и Гошин жалкий вид не помог по той причине, что на нашу беду на календаре значилось 31 августа.

– Не, ребята, завтра 1 сентября, – бесповоротно отказал директор, – дети в школу придут, а вы можете насорить. Только-только ремонт сделали, покрасили, побелили. Неде-

лей бы раньше – пустил без всяких, сегодня не обижайтесь.

Опять мы не у дел. Погода отвратительная. Ветер холодный, противный, пронизывающий. Можно выйти за посёлок, поставить палатки, но смерть как не хотелось.

Ноги сами обратно привели в столовую. Слышу – одна повариха другой (а все молоденькие девчонки):

– Опять туристы с оборванцем.

Столовая уже закрывалась. Поварихи объявили: окончен бал – котлы пустые. Как назло у нас – на нервной или ещё какой почве (неудача в школе, перспектива палаточного ночлега) – у всех разыгрался чудовищный аппетит. Запахи столовские его многократно усилили! Слюнные железы бешено зафонтировали в ожидании пищи.

Я тихо говорю Гоше:

– Иди, выпрашивай, не то поедешь в Омск с голой задницей! Не дам штанов!

Гоша начал канючить:

– Девчонки, милые, хорошие, не дайте умереть с голоду у ваших котлов. Вы такие красавицы, такие мастерицы, а мы неделю маковой росинки не ели. Хоть что-нибудь бросить в себя существенного, не то смертей голодных до утра понаделается в Аршане целая гора.

Сумел-таки разжалобить поварих. Те пельменей на завтра налепили, праздновать день рождения заведующего собрались, ну и сжалились, поделились: «Ладно, мы ещё налепим».

Пельмешки – объединенье, только шум стоял, когда уплетали. Попросили с бульоном, чтобы ничего не пропало. Одна повариха подошла к нам, та, которая охала в самый первый раз, увидав оборванца Гошу:

– Вам, ребята, наверное, и переночевать негде?

Сараев с полным ртом поспешно головой мотнул утвердительно.

– Конечно! – промычал сквозь пережёвываемые пельмени.

В районе Аршана минеральные источники, болящие на лечение сюда приезжают, местные под это дело приноровились комнаты сдавать. К такой тётке нас отправила Гошей разжалобленная повариха. Рубленая изба, чисто, какие-то копейки за ночлег хозяйка взяла. Ещё и ужин предложила: «Кушать будете?» Отгадайте с одного раза: отказались мы или нет?

Гоша опять ко мне подъехал:

– Дай штаны, неудобно в рванье за стол садиться.

В столовой было удобно, чуть подкормился, чувство эстетики проснулось. Достал я запасные брюки из рюкзака, торжественно вручил Сараеву. Заслужил. Гениально сыграл роль оборванца.

Спали мы на белых простынях. Класс! У меня тесть в войну три года провёл на передовой. Одно из самых ярких его фронтовых воспоминаний, это когда ранило в апреле сорок пятого и он в госпитале впервые за всю войну спал на про-

стынях. Рассказывая о боевом пути, обязательно выходил на те простыни. Мне аршанский ночлег на простынях с полным желудком и отсутствием сигаретного голода тоже ярко врезался в память.

«Декамерон» на Эвересте

Наш славный транспортный институт одним из первых в Омске серьёзно взялся осваивать маршруты водного туризма. В первый поход наметили выскочить на майские праздники на Ошу. В ту пору никакой водочной компании «Оша» не существовало, водка такой марки не валила с ног почитателей крепких напитков. Одна речка с красивым именем текла себе по северу области спокойноненько, без порогов и водопадов, шивер и прижимов. Во всех этих препятствиях мы, на тот исторический момент чайники-водники, и не нуждались. Покорить Ошу решили тремя плотами. В пору нашего водниковского младенчества высшим шиком было закладывать в основу плота авиационные камеры. Правдами и неправдами раздобыли сверхдефицитные камеры на два плота. Этого было мало на нашу компанию. Затежник по конструкциям плавсредств Лёша Смаковников, погрузившись с головой в проблему, вынырнул из раздумий с предложением соорудить третий плот на основе элементарных воздушных шариков. Шарик для прочности вставляется в другой шарик, надуваются оба и заталкиваются в мешок из-под картошки. Всё гениальное просто – гондола делается из подручных, легкодоступных комплектующих. Оснащаясь ими, не надо совершать снабженческие подвиги, как в случае с авиационными камерами. В один мешок входит шесть надутых шаров. Ито-

го расход – двенадцать шариков на мешок, которых ни много, ни мало двадцать штук на плот. С одной и другой стороны по десять связанных между собой кулей. Эта, казалось бы, несерьёзная (так оно и было) конструкция позже стала прообразом серьёзной многосекционной гондолы. На мешки, как и на камеры, устанавливается классический настил из брёвен. Чудаков с воздушными шариками больше не встречал на реках

Советского Союза и даже слышать ни о чём подобном не приходилось. Плот, естественно, очень лёгкий. Поднять, обнести затор – не составит труда. Да есть нюанс: плывёшь по речке, бах – хлопок, плот начинает чуть оседать на одну сторону – шарик продырявился, лопнул. Через какое-то время снова бах – следующий шарик предательски зашипел. Раз в полдня приходилось добивать мешки свежими шарами. Благо, понимая нежность гондол, на шарах не сэкономили, взяли с запасом.

Оша – речка не горная, даже в весенний разлив местами течения практически нет. В связи с этой особенностью маршрута наш лёгкий плот давал второй нюанс. Встречный ветер запросто нёс его против течения. Маршрут направлен в низовья Оши, нас в верховья тащит. Гоша Сараев глубокомысленно изрёк на это:

– Сплаваемся против шерсти!

Драматическая картина Ильи Репина «Бурлаки на Волге» повторилась фарсом «Бурлаки на Оше». Трое мужиков тоск-

ливо шагают по берегу и тянут верёвку-чалку, на конце которой плот, гружённый двумя девчонками из нашего экипажа и рюкзаками.

Оша так и осталась непокорённой. Ветер дул в лицо постоянно, бурлачить порядком надоело, и запас шариков иссяк. Мы плюнули на бесперспективное дело и после плевка сели в ближайшей деревне на автобус в Омск.

Лёша Смаковников, мучаясь на маршруте с заменой лопнувших шаров, придумал вариант по модернизации конструкции – вместо детских легкомысленных шариков использовать презервативы как более крепкий надувной материал. Энергично отстаивал свою идею, но наш научно-практический совет признал её тупиковой: на Ошу идти больше не собирались. Как говорится: умерла, так умерла, шкура снята – труп зарыт. А вручать свою судьбу противозачаточным средствам на порожистых реках – эта перспектива нас не вдохновила.

Возрастая в мастерстве туристов-водников, мы немало рек прошли на авиационных камерах, затем начали клеить многосекционные гондолы, но не из шаров, а из прочных эластичных герметичных материалов. В это время в нашей команде появился талантливый турист-водник из политехнического института Юра Гаврилин. Талант Гаврилина раскрылся в полной мере в разработке оригинальных плотов. Какие мысли посещали Юру, когда он рассматривал фото нашего плавсредства на воздушных шариках, не знаю, толь-

ко он пришёл светлой своей головой к оригинальной конструкции с выступающими за габариты плота гондолами. Находка эксклюзивная и поистине гениальная. Сначала гондолы просто выступали за раму, практика прохождения сложных рек показала – отличное решение. Юра не стал почищать-валяться на лаврах, пошёл дальше – предложил выступающие части делать гибкими. Это дало суперэффект. Плот стал практически неопрокидываемым. Сколько раз я ходил на таких – ни одного переворота. И со знакомыми, кто сплавлялся на плотах Юриной конструкции, оверкиль не случался. Выступающие части создавали сопротивление потоку, работающему на переворот, и плот оставался устойчивым.

Памирскую реку Муксу безаварийно прошли в 1988 году во многом за счёт такой конструкции. Муксу считалась в те годы ни много, ни мало, а водным Эверестом Советского Союза. Каньон Фортамбек с его десятью мощнейшими порогами многим мастерам-смельчакам-водникам оказался не по зубам. Четвёртый и пятый пороги – винт. Входишь – и плот начинает опрокидывать, закручивать на оверкиль. Наши плоты, имея противодействие винту, устойчиво пролетали все препятствия. Мы даже попали в центральную прессу. Журнал «Ветер странствий» написал, что группа Ройтера спокойно прошла Муксу. За этот поход мы удостоились серебра во всесоюзных соревнованиях. Это, как говорится, не баран чихнул...

На Муксу вертолётная заброска. Из посёлка Джиргиталь

(Таджикистан) Ми-8 забросил нас на сумасшедшую высоту. Сразу ощутили прелести кислородного голодания – усталость, подторможенность...

Шли группой в десять человек на двух плотках. Первый порог Фортамбака разгонный. Не составило большого труда навести страховку. Чего не скажешь о втором препятствии.

Каньон Фортамбака – это скалы, обрывающиеся в воду. Голые скалы мощнейшего каньона, по тропке порог не оббежишь. Только с применением альпинистской техники. По стенке ползёшь, крючья колотишь... Намумукаешься, прежде чем попадёшь за порог на площадочку перед прижимом, чтобы поставить страховку. Объясняю для людей несведущих. Страховка представляет из себя верёвку, которая за порогом протягивается через реку с помощью кораблика. Кораблик – это две дощечки, сбитые таким образом, что, когда выпускаешь в мощное течение, он перегораживает реку и стоит, натягивая верёвку. Если тебя при прохождении порога выбросило за борт, есть возможность схватиться за верёвку и выбраться в безопасное место.

Со страховкой в каньоне целый день корячишься, лазишь по скалам, ставишь её, чтобы за пять минут проскочить порог. И другого пути нет. Ты в огромной каменной щели. Река и скалы, да такие, что местами небо чуть видно, высотой до четырёхсот метров.

Весёленькое дело, что там говорить.

На втором Фортамбаке мы день пластались на скалах.

Налазились до полного не могу. Вернулись в лагерь, руки дрожат, ноги вибрирует... Никакущие... Настроение, прямо скажем, не танцевальное... В качестве психологической релаксации я решил использовать уникальную домашнюю заготовку с применением мировой литературной классики. Перед походом случилось со мной явление мистического характера. В один миг потащило в книжный магазин. Хотите верьте, хотите сомневайтесь, вдруг ощутил внутренний толчок: иди. Не так, чтобы шёл по улице мимо книжного, и подумалось, а не зайти ли, не покопаться в литературе, вдруг что-нибудь занятное попадётся. Нет, толкнуло целенаправленно! Просто какой-то внутренний импульс. В магазине не принялся, как обычно, перебирать тома, бегать глазами по корешкам. Ноги, будто их кто запрограммировал, с порога повели в конкретный угол, к конкретной полке, рука сама взяла книгу, и только по дороге к кассе прочитал название – «Декамерон» Джованни Боккаччо.

Вечером в лагере, отужинав (это после установки страховки на втором пороге Фортамбека), я достал книгу и начал вслух читать первую попавшуюся новеллу. Такой бешеной реакции, такого эффекта близко не предполагал. Хохот стоял страшный. Десять мужиков (со мной вместе), как один, ржали до слёз. Каждая фраза кем-нибудь красочно комментировалась и встречалась взрывом хохота. Серега Кузовкин и Игорёк Студёный буквально катались от смеха. Серёга повторял: «Ой, не могу, мужики! Не могу!» За каких-то пят-

надцать минут чтения тело, измученное до нуля многочасовым лазанием по скалам, полностью расслабилось, дрожь прошла, захотелось жить дальше.

Надо учесть, что происходило всё в Советском Союзе, где «Декамерон» многие годы оставался единственной крутой эротической книгой. В каньонах на берегу сумасшедшей Муксу он на раз снимал усталость, заряжал оптимизмом, вселял уверенность в завтрашний день.

Каждый вечер после ужина кто-нибудь требовательно обращался ко мне: «Командир, давай уже читать!» Причём за весь поход ни разу не прозвучало «сколько можно». Наоборот, каждый вечер «художественное чтение» принималась на ура. Мы блестяще, на серебро, прошли Муксу. Хочешь не хочешь, залог нашего успеха – конструкция плота, помноженная на «Декамерон». Само собой, имелся ещё один множитель (не будем ложно скромничать) – мастерство команды. Но не мастерством единым, что называется.

С год назад корреспондентка омского журнала уговорила на интервью. Расспрашивала о фирме, обо мне, а в завершение беседы умненькая журналистка для оживляжа спросила об увлечениях. Где, отвечаю, только с рюкзаком ни шатался, в какие медвежьи углы ни забрасывала туристская планида, но вот кругосветное путешествие не совершал.

Она тут же:

– Какую книгу взяли бы в кругосветку?

У меня мгновенно вылетело:

– «Декамерон»!

– Почему? – загорелись корреспондентские глазки, надеясь выведать что-нибудь такое эдакое.

Но я ударил по тормозам, попросил не писать о «Декамероне».

– Почему? – разочарованно протянула журналистка.

– Долго, – говорю, – объяснять.

Она, поди, подумала: я сексуально озабочен.

«Декамерон» давал сумасшедшую разрядку. Напряженность спадала махом, как по громоотводу улетучивалась. Почитаешь, и ты опять как огурчик. Вот что значит мировая классика!

Когда мы ходили на Шумак, на первом кольце с нами параллельно шли ребята из Запорожья. Познакомились в первый день. «Как дела?» – спрашиваю. Они говорят: «У нас на Украине всё хорошо! Только холод, голод и большой урожай буряков». Весёлые хлопцы. Я сначала не понял: что за буряки и почему плохо с большим урожаем? Оказывается буряки – это свёкла, а из сахарной самогон гонят. Несколько ночей по соседству с нашим они лагерь разбивали.

В первое утро мы поднялись, их нет уже. Ничего себе, думаю, моторные запорожцы. То есть поднялись, позавтракали, собрали рюкзаки и ушли. А мы всё нежимся в спальниках. Своим говорю: вот это пахари! Рано похвалил. В течение дня мы их догнали и перегнали. Вечером мы уже поставили базовый лагерь, поужинали, сели вокруг костра пес-

ни петь, они только притащились. Уставшие, замученные. Получается, часа на полтора раньше нас стартовали, и часа на полтора позже закончили дневной маршрут. Спрашиваю у руковода: «Чё так идёте?» Мощный, ростом под метр девяносто парень говорит: «Группа не очень подвижная попалась! И все бунтари. У нас, у хохлов, знаешь как – стоит двоим собраться вместе, сразу встаёт вопрос о выборе гетмана, и каждый на командную должность метит! Слава Богу, я предвидел гетмановский сидром». С этими словами открывает свой рюкзак индивидуального пошива и суперповышенной вместимости. В рюкзаке пара личных вещей, остальное – фляжки спирта, коим он нейтрализовал бунтарские мотивы.

На Муксу напряжение было не только физическое. Надо учесть, что, скажем, в районе третьего или четвёртого порога Фортамбека, если случается переворот и плот уносит, выбраться самим просто невозможно. Почему? Снаряжение уходит на плоту, а с голыми руками как карабкаться по отвесным скалам? Как эвакуировать пострадавшего, пояись такой? Альпинист-спасатель мог бы вытащить. А где его взять? Никакой спутниковой связи в помине не было. Ситуация могла возникнуть самая тупиковая. Лишь после шестого порога появлялся выход на верхнюю полку, а до пятого – нигде. Ты в каменном мешке. Не зря река считалась высшей категории сложности. Даже не за счёт порогов. Они все проходимые. Крайне тяжело страховку организовать. Случись что – такие непонятки могут начаться. Мы

об этом в походе разговор не заводили, но подспудно каждый понимал серьёзность мероприятия.

Толя Корякин психологически сорвался на восьмом пороге Фортамбака. Если разобраться – ничего сложного. Метра четыре водопад. Не Ниагарский, но для плота сродни. В принципе, никакой хитрой техники прохождения не требуется, единственно – правильно зайти. А дальше плюхаешься и ничего страшного. Мы с Гошей Сараевым на передней гребни, а Толя Корякин с Серёгой Кузовкиным и Игорьком Студёным – на задней. Уже проскочили, я оглядываюсь, Толя упал на корячки и хнычет. Здоровенный мужик хнычет. Я подумал – гребью прилетело. Удар, я вам скажу, не из приятных.

Оказалось, гребь ни при чём – Толя сломался. Психологически сломался. Слава Богу, мы вышли на участок, где уже имелся выход из каньона на верхнюю полку – Толя девятый и десятый пороги с нами не проходил. На своих двоих обходил по верху.

Перед походом мы тренировались, не щадя себя. На стадионе «Юность» был скалодром. В авиационно-направленные тридцатые-сороковые-пятидесятые годы каждый парк оснащался парашютной вышкой. Этакий аттракцион для приобщения советской молодёжи к прыжкам с парашютом. Потом массовость мужественного спорта сошла на нет, вышки торчали без дела в местах общественного отдыха, омские альпинисты приспособили одну для тренировок. Соорудили

отличный скалодром с отрицательной стенкой. Каждое воскресенье мы лазили по нему часа по два. Плюс бассейн. И не просто руки потренировать. Чисто физической подготовкой мы занимались в спортзале. Здесь главное – поведение в воде в трудных ситуациях. Двадцатипятиметровый бассейн каждый должен был переплыть туда и обратно. Помню, первый раз переплыл в одну сторону, прошёл под водой все двадцать пять метров, на последних как резанёт живот болью, будто все внутренности прессом вплюснуло. Занервничал – не повредить бы какой жизненно важный орган. Посидел минут пять на бортике, прислушиваясь к себе, боль стихла. Больше в тот день не рискнул нырять на полную длину ванны, в последующие воскресенья эффект вплюскивания не повторялся.

Мощнейшую подготовку прошли. Толя, к сожалению, мало с нами тренировался. Он, видимо, так и не осознал на омском берегу в полной мере, куда мы собрались и что нас ждёт. Лишь на речке увидел своими глазами, что и как. Появился мандраж. Заранее не отмотобилизовался, ну и результат. К примеру, зимой идёшь в лыжный поход, маршрут зачастую проходит по горной реке, значит, будь готов Иван Петров в любой момент оказаться в ледяной воде. И не заболеваешь от резкой смены температурного режима потому, что организм стопроцентно настроен. Ты ухнул в промоину, тут же включаются внутренние реле защиты.

У Толи сработали в обратную сторону. Мы за день до его

срыва прошли порог с новеньким памятником на берегу. За месяц до нас поставили московской группе. Они на катамаране шли и перевернулись. Из шести человек живым остался один. Трагедия, разыгравшаяся за год до нашего прохождения, на Толю подействовала угнетающе. Казалось бы, факт, что мы без всяких проблем пролетели порог, оказавшийся роковым для москвичей, должен вселить уверенность, но нервы у Толи сдали...

Экипировались мы по максимуму. В ледяной воде человек может пробултыхаться максимум десять минут, а дальше переохлаждение. Скорость течения Муксу сумасшедшая – расход воды 80–100 кубометров в секунду. Оказавшись в такой реке, не так-то просто выплыть, тем более – скалы вокруг. Мы шли в гидрокостюмах. Проверили их не на одной реке. Бросаешься в воду, и ни капли не попадает внутрь, сухоньким выходишь. Всё зашнуровано, резиновые бинты мотали – герметичность полная...

Однажды гидрокостюмы таки подвели. Спускались по Заравшану. Отличный поход. В одном месте Юра Гаврилин кричит:

– Мужики, чалимся, алыча!

Мощнейшие заросли. В Омске где алычу увидишь? Только на базаре. А тут бесхозной полным-полно, ешь задаром от пуза. Рядом грецкие орехи растут. Зелёные чуток, да некогда нам ждать, когда дойдут до полной зрелости. Сочетание молодых орехов с алычой (теперь-то прекрасно знаю) – жутко

взрывоопасная смесь. Мы, завидев фруктовую дармовщину, выскочили на берег. И как были в гидрокостюмах (зашнурованы, подпоясаны, готовые к любым переворотам), бросились жадно вкушать дары юга. Реакция наступила обвальюно минут через пять. Картина получилась точь-в-точь, как в армии у новобранцев после команды «отбой». Единственное отличие – мы без всякой команды, все восемь человек разом бросились срывать с себя гидрокостюмы. За какие-то рекордные секунды освободились от бинтов-поясов, расшнуровались... В походе по Муксу был ещё один прикол. Я до конца маршрута держал про запас неприкосновенную фляжку – спирт. Обычно в походе бывает, что надо граммов по пятьдесят выдать на ужин группе для снятия напряжения, в этот раз был «Декамерон», который без алкоголя расслаблял лучше не надо.

Прошли все пороги. Девятый Фортамбек даже не запомнил, десятый – мощный прижим. Прошли каньоны Хадырша (два порога), Иргет (восемь), препятствия последних двух каньонов, Кардара и Сугран, не представляли сложности, наконец рюкзаки на спину и в посёлок. Но перед этим в последний раз заночевали в палатках. Я достал заветную фляжечку. Все обрадовались, запотирали руки в радостном предвкушении. Гоша Сараев восторженно в ожидании принятия веселящего напитка заговорил стихами:

– По граммულке ща мы вмажем да в палатку спать заляжем! Хорош эротику читать, пора по спирту ударять!

Фляжку наполнял в последний день перед походом. Семисотграммовая ёмкость из тонкой нержавеющей стали. Достал её с антресолей, открыл крышку и получил неожиданно-негаданно проблему – в нос ударил отвратный запах... До этого брал фляжку в поход на Алтай, и после того, как выпили спирт («Декамерона» в том походе не было), наливал в ёмкость чай – оно хорошо на ходу приложиться, парой-тройкой глотков смочить горло. На последнем переходе поленился вымыть фляжку после чая – «а, домой вернусь». Дома из головы вылетело. Получил в результате злой дух из заветной ёмкости. Бился-бился, ничего не помогает – запах до того стойко засел... Ни мыло эту вонь, ни стиральный порошок не взяли. Что делать? Дай, думаю, одеколончиком продезинфицирую, против него амбре не устоит, отобью запах. Был у меня флакон «Саша». Кто-то подарил, дескать, твой именной. Не пожалел именной, плеснул ударную дозу, почти весь залил, поболтал энергично, затем водичкой несколько раз промыл. Довольный. Сам над собой иронизирую: что я, дурашка, сразу-то на одеколон не вышел, мыла во фляжку толкал? Одеколоном, конечно, пахнет из фляжки, но это ведь не плесень. Спирт залил, пробовать не стал. Что его, спрашивается, пробовать?

Из этой фляжки по первой за взятие водного Эвереста разлил. Разбавлять – себя не уважать. Что мы, не мужики? Подношу ко рту кружку, как шибанёт «Сашей»... Без удовольствия выпил. Никто не выплеснул, употребили. Но от

второй порции все хором отказались. Сараев без привлечения поэзии грустно произнёс:

– Доставай-ка лучше «Декамерон».

Мы ходили на Муксу в августе. В ноябре отправились в лыжный поход на Серверный Урал, я снова взял эту фляжку. Растирать никого не понадобилось, но и внутрь никто принимать не стал. Попробовали и отказались.

– Что-то в меня твой коктейль Молотова не идёт, – сказал мой неизменный напарник по походам Гоша Сараев. – Некупажированного одеколоном принял бы с большим аппетитом. Ты уж, Шура, не обессуди, пей эту парфюмерную гадость сам.

Невиданное дело, спирт во второй раз в Омск с маршрута вернулся. До весны фляжка валялась на антресолях, в мае прихватил её на турслёт в надежде – это не поход, народ едет расслабиться, так что после коньячно-водочных деликатесов и мой коктейль пойдёт за милую душу. Нет, кому не предлагал – воздержались. Сараев прямо сказал: «Сколько будешь травить меня своей парикмахерской?» Что делать? Выливать жалко.

С погодой в тот раз повезло, ночь стояла тёплая, и день разгорелся до солнечной жары... Женщины принялись загар ловить плечами, спиной, ногами, мужики затеяли футбол. Гоша Сараев наигрался, разлёгся под кустом кверху животом, кайфует. Рядом с ним банка трёхлитровая из-под томатного сока. На жаре сок пошёл отлично – выпили на раз,

банку вымыли. Я в рюкзак зачем-то полез, под руку попался злосчастный спирт. В голову тут же ударила блестящая, как сверкающая на солнце фляжка, идея. Схватил трёхлитровую банку, в неё спирта одеколонного щедро ухнул, чиркнул спичкой и мгновенно Гоше на живот, чтобы пациент не успел среагировать, поставил. Прямо по страницам сказки Чуковского: к нам приехал Айболит, приходи к нему лечиться и Сараев, и волчица. Е-моё, кожа Гошиного живота со страшной скоростью устремилась в банку, заполняя весь её трёхлитровый объём! Ужас! Пациент, секунду до этого безмятежно поглощающий ультрафиолет, заорал благим матом. Будто его резать по живому начали. От Гошиного душераздирающего крика с меня всякая шутейность слетела, кинулся выручать друга из банки. Отдирать от жадной ёмкости! Да не получается. Не могу вызволить Гошу из стеклянной темницы. Ногой в остатки не втянутого в банку живота упёрся, двумя руками банку на себя тяну. Мне бы сунуть пальцы под горлышко, поддеть ёмкость, я с перепугу не додумался до элементарного, начал силовым методом действовать. Рву Гошу на части. Силушка в руках имелась, накопил, готовясь к походам, поэтому удалось варварским способом сорвать ёмкость с орущего Гоши. Народ на крик побежал. У Гоши мгновенно синяк во весь живот налился. Жуткий синячище, который начинался в районе солнечного сплетения и уходил под резинку спортивных трусов.

– Я тебе что – дед Щукарь из «Поднятой целины»?! – слез-

ливо шумел Гоша, глядя на испоганенный банкой живот.

– Надо было спирт пить, – нашёл я оправдание своим действиям, – а то нос воротите! Не нравится им!

– Ты что, решил через кожу вгонять свою гадость?!

Гоша есть Гоша, за словом в чужой карман не полезет.

В оконцовке спирт пришлось вылить. Что самое прискорбное – фляжку тоже выбросил. Запах вьелся в нержавейку намертво, ничем не отмывался. Сараев язвительно посоветовал обработать горячим паром. Железнодорожные цистерны на ТЭЦ-5 именно так выпаривают. Но если бы я приехал туда и встал со своей фляжкой в очередь за цистерной – получилась бы отдельная история.

«Декамерон» подарил Гоше. В качестве компенсации за урон здоровью, нанесённый трёхлитровой банкой. Гоша вёл мужскую группу на Восточные Саяны. По Сисиму сплавлились. Вручил другу книгу с напутствием, дескать, пусть помогает на маршруте. Гоша после похода отчитался: «Декамерон» сработал на пять с плюсом! Мировая классика на Сисиме тоже не подвела.

Килограммовая медаль

На шестидесятилетний юбилей Шуры Ройтера Гоша Са- раев прийти не смог. Объективные обстоятельства воспре- пятствовали личному участию в торжестве. Кто-то за столом пошутил: «Гоша побоялся, опять нальют ему из парфюмер- ной фляжки». Столько лет миновало, а не забыли друзья ка- зус с одеколоном «Саша».

Разные были подарки в тот вечер. Что вы думаете дру- зья-туристы, с кем сплавлился Шура по Муксу, подарили юбиляру? Совершенно верно – «Декамерон». А ещё – ме- даль. Самую что ни на есть серебряную и тяжеленную – ве- сом в килограмм. Со словами: «Награда нашла героя», – ме- даль вручила руководу группа, победно покорившая водный Эверест. Дело в том, что хоть и присудили омичам за про- хождение Муксу-Эвереста второе место во всесоюзных со- ревнованиях, серебряные медали зажилили. Прислали ди- плом и нагрудные значки. Друзья исправили несправедли- вость через двадцать шесть лет. Если вы окажетесь у Шуры Ройтера в гостях, обратите внимание на эту медаль. Она сто- ит на шикарной подставке на рабочем столе у Александра Ивановича, напоминая о Памире, Алтае, Саянах, Камчатке, Шумаке, Тункинских Альпах... И ещё много-много о чём и о ком, само собой...

***

В оформлении обложки и книги использованы рисунки художника Владимира Чупилко